

A woman with long, wavy brown hair is seated at a wooden desk, focused on writing in an open book with a quill pen. The room is dimly lit, with a single oil lamp on the desk providing a warm, yellow glow. To the left, a stack of several old, worn books sits on the desk. In the background, a dark, shadowy figure with a pale, ghostly face and long, dark hair looms in the shadows, watching her. The overall atmosphere is mysterious and eerie.

Дейна Роув

ДОПИСАННАЯ
КНИГА

Дейна Роув
Дописанная книга
Серия «Проклятие талантов», книга 2

<https://litres.ru/73727574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 2005 год.

После пятнадцати лет в тюрьме Ник выходит на свободу в мир, который давно научился жить без него. Но прошлое не отпускает: исчезновения, смерти и одна история, которую так и не удалось закончить.

Случайная находка — старый дневник — становится началом опасного расследования. Следы ведут в странные места: от архивов с пожелтевшими газетами до отеля, где время будто остановилось. Здесь никто не остаётся дольше одной ночи... и у каждого есть своя тайна.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	74
Глава 6	90
Глава 7	116
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Дейна Роув

Дописанная книга

Глава 1

Тюрьма

Первый удар сердца после крика был самым громким звуком, который Ник Хитклиф когда-либо слышал.

Он заглушил всё: визг тормозов подъехавшей машины, глухой стук падающего тела Софи, собственный, рвущий глотку вой, вырвавшийся из груди, когда он увидел Лили, распластанную на полу кухни. А потом наступила тишина. Та самая, густая, лондонская тишина, которую он возненавидел на всю оставшуюся жизнь. Тишина, в которой навсегда застыли широко распахнутые, уже остекленевшие глаза Софи, разметавшиеся по грязному линолеуму рыжие волосы Ребекки и неестественно вывернутая рука Растриэля, всё ещё сжимающая страницы упавшей книги.

Ник не помнил, как добрался до телефона. Помнил только, что пальцы, набирая 999, скользили по диску, оставляя на чёрном пластике влажные, липкие следы. Помнил свой голос – чужой, хриплый, срывающийся на фальцет: «Приез-

жайте... они мертвы... все мертвы... Хайгейт-роуд, 47... пожалуйста, быстрее...». Помнил, как бросил трубку и снова опустился на колени рядом с Луизой.

Она сидела в кресле с прямой спиной, уронив голову на грудь. Глаза её были открыты и смотрели куда-то в пустоту, на недопитую бутылку виски на столе. Ник взял её руку – она была холодной, безжизненной, пальцы уже начинали коченеть. Вокруг губ застыла тонкая полоска слюны, смешанной с кровью – она прикусила язык в последней судороге.

– Прости, – прошептал Ник, и это слово показалось ему чудовищно недостаточным. – Прости меня.

Он переходил от одного тела к другому, как лунатик. Софи, уткнувшись лицом в тарелку с недоеденной вегетарианской пищей. Растриэль, застывший на полу с открытыми глазами, уставившимися в потолок, где всё ещё висела та самая трещина, похожая на карту реки. Ребекка, рухнувшая лицом вниз прямо у стола, её правая рука всё ещё тянулась к упавшему стакану. Ник – он лежал ничком, раскинув руки, будто в последнем объятии с полом.

И Лили. Лили сидела на диване, прислонившись спиной к подушкам, и смотрела прямо перед собой. Её лицо было спокойным, почти умиротворённым. Ник подошёл к ней, опустился на корточки, заглянул в глаза. В них не было страха. Только какая-то странная, застывшая печаль.

– Почему ты? – прошептал он, глядя на подругу, которую

знал дольше всех. – Почему вы все?

Он не знал, сколько просидел так, посреди этого морга, устроенного в квартире, где ещё несколько часов назад звучал смех и спорили о музыке. Время потеряло смысл. Были только тела, тишина и нарастающий внутри вой, который не находил выхода.

Первой приехала скорая. Два парня в зелёной форме ворвались в квартиру с носилками, но через секунду замерли на пороге кухни. Один из них, молодой, с рыжими усами, выругался сквозь зубы и тут же побежал к радиации вызывать полицию.

– Вы... вы тут один? – спросил второй, постарше, глядя на Ника с подозрением.

Ник кивнул. Он не мог говорить.

Полиция приехала через десять минут, но эти минуты растянулись в вечность. Ник сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел, как санитар осторожно, почти благоговейно, проверяет пульс на шее Луизы. Как застывает его рука. Как он качает головой и переходит к следующему. К Софи. К Растриэлю. К Нику. К Ребекке. К Лили.

Шесть раз он качнул головой. Шесть раз Ник видел этот жест.

Полицейских было много. Они заполнили маленькую квартиру, как синие призраки. Кто-то фотографировал, кто-то чертил мелом на полу, кто-то задавал вопросы, на которые Ник не мог ответить. Ему казалось, что он слышит их

сквозь толщу воды.

– Вы единственный выживший, сэр?

– Что вы ели? Что пили?

– Где вы были, когда это случилось?

– Вы знали этих людей?

– Да, – наконец выдавил Ник. – Это мои друзья.

Его подняли с пола, усадили на табуретку, накрыли пледом. Кто-то сунул в руки кружку с горячим чаем, но пальцы не слушались, и чай расплескался, обжигая кожу.

Детектив появился через час. Высокий, худой, с лицом человека, который видел слишком много смертей и давно перестал им удивляться. Мятый плащ, потёртые ботинки, седина на висках. Он представился: детектив-инспектор Моррисон, отдел убийств.

– Мистер Хитклиф, – сказал он, усаживаясь напротив Ника на корточки, чтобы быть на одном уровне. – Я понимаю, что вы в шоке. Но нам нужно поговорить. Сейчас.

И Ник заговорил.

Слова вырывались из него бессвязным потоком, как вода из прорванной плотины. Он говорил о Луизе, о её исчезновении, о странной книге, о Константине, об отеле «Амбер», о Люси Фурнье, о том, как Лили видела его у мусорных баков, о письме из страховой компании, о заметке в газете, об отравленной пицце с трюфельным маслом и о том, что он сам случайно выжил, потому что съел кусок пепперони, ко-

торый не был отравлен. Он говорил о металлическом привкусе, о том, как Луиза странно смотрела на пиццу, как Софи вдруг побледнела, как Растриэль начал задыхаться.

Детектив Моррисон слушал молча, не перебивая. Только изредка кивал и что-то помечал в маленьком блокноте. Когда Ник замолчал, охрипнув и выдохшись, инспектор выдержал длинную паузу, а потом спросил:

– Мистер Хитклиф, вы когда-нибудь обращались к психиатру?

– Что? – Ник поднял на него глаза, не веря своим ушам.

– Вы принимаете какие-либо лекарства? – продолжил Моррисон ровным, участливым тоном, от которого у Ника похолодело внутри. – У вас были раньше... эпизоды? Галлюцинации? Чувство, что за вами следят?

– Нет! – Ник вскочил, опрокинув табуретку. – Вы не слушаете! Я говорю вам, это был Константин! Человек, который убил мать Луизы! Который держал её в заложниках все эти годы!

– Который, по вашим словам, является богатым меценатом с идеальной репутацией и связями в высших кругах? – уточнил Моррисон, зачитывая из блокнота. – Который владеет отелем, где, по вашим же словам, "исчезают люди", но который был продан компании «Гринвуд Девелопмент» ещё в 1990 году, что подтверждено документально?

Ник открыл рот и закрыл.

– И этот человек, – продолжал Моррисон, – по ваше-

му мнению, подослал курьера из пиццерии, который якобы отравил пиццу, после чего бесследно исчез? Курьера, которого, кстати, зовут Дэнни Стивенс, двадцать три года, работает в «Луиджи» третий месяц, и чьё тело мы только что нашли в переулке за пиццерией с ножевым ранением?

Ник почувствовал, как пол уходит из-под ног.

– Его убили, – прошептал он. – Константин убрал свидетеля.

– Или, – Моррисон поднялся, разминая затекшие ноги, – убийца решил избавиться от соучастника, чтобы тот не заговорил. Удобно, не правда ли? Единственный выживший, единственный, кто не притронулся к отравленной пицце, единственный, кто звонил в полицию, рассказывает историю о таинственном злодее, которого никто никогда не видел, кроме него и пяти мёртвых людей.

– Лили видела его! – выкрикнул Ник. – За неделю до этого, у мусорных баков! Он подходил к ней! Она рассказывала мне!

– Лили, – Моррисон кивнул в сторону дивана, где застывшее тело подруги всё ещё сидело с открытыми глазами. – Лили Адамс, которая сейчас не может ничего подтвердить. И которая, кстати, судя по отчёту патологоанатома, умерла точно так же, как и остальные – от отравления. Никаких следов насилия, никаких признаков борьбы.

– Потому что это был яд! – Ник схватился за голову. – В

пище!

– В пище, – повторил Моррисон. – Которую заказали вы. Которую встретили вы. Которую разложили по тарелкам, скорее всего, тоже вы. И от которой отказались вы.

В комнате повисла тишина. Ник смотрел на детектива и видел в его глазах не сомнение, не желание разобраться, а холодную, уверенную убеждённость. Убеждённость в том, что перед ним сидит убийца.

– Можете не отвечать, мистер Хитклиф, – устало сказал Моррисон, закуривая сигарету прямо в квартире, хотя это было запрещено. – У вас будет много времени всё обдумать. В камере.

– Вы не можете...

– Могу. И арестую. – Моррисон кивнул полицейским, стоящим у входа. – Зачитайте ему права.

Холодные руки, защёлкивающие наручники на запястьях, показались Нику почти облегчением после того внутреннего ада, в котором он жил последний час. Его вели по лестнице мимо соседей, высыпавших на площадки, мимо жёлтой ленты, перекрывающей вход, мимо толпы зевак, собравшихся у подъезда. Кто-то выкрикнул: «Убийца!» Кто-то плюнул след. Камера фотоаппарата щёлкнула, выхватывая его лицо из темноты – лицо человека, которого завтра вся страна узнает как «отравителя из Кентиш-Тауна».

Камера предварительного заключения встретила его запахом мочи, дешёвой хлорки и отчаяния. Металлическая кой-

ка, привинченная к стене, ржавый унитаз без крышки, маленькое зарешеченное окно под потолком, в которое виднелся только клочок серого лондонского неба.

Ник сел на койку, обхватил голову руками и впервые за много часов позволил себе заплакать.

Слёзы были сухими, колючими, они не приносили облегчения. Перед глазами стояли лица друзей – живые, смеющиеся, всего несколько часов назад спорившие о музыке и разливавшие вино. Софи в своём нелепом зелёном платье. Ник, размахивающий куском пиццы и доказывающий, что Джими Хендрикс гениальнее Моррисона. Растриэль, поднимающий глаза от книги и улыбающийся своим мыслям. Ребекка с её пирожными и дорогим виски. Лили, стоящая у окна и смотрящая в темноту. Луиза – бледная, осунувшаяся, но живая, сидящая в своём любимом кресле и сжимающая стакан.

Они были мертвы. А он, единственный выживший, сидел в тюремной камере и ждал суда за их убийство.

Судебный процесс был скорым и жестоким. Газеты окрестили его «Делом об ужине смерти», а Ника – «отравителем из Кентиш-Тауна». Жёлтая пресса смаковала подробности: шесть молодых людей, творческая компания, отравленная пицца, загадочный выживший. Общественность жаждала крови. Улики, собранные полицией, были неопровержимы: отпечатки пальцев Ника по всей квартире, включая коробки с пиццей; его показания, полные противоречий; полное отсутствие хоть какой-либо связи погибших с загадоч-

ным «Константином», которого никто, кроме Ника, никогда не видел; показания соседей, слышавших громкую музыку и крики; мотив, который следствие выстроило из смутных намёков на ревность и старые обиды.

Адвокат, которого наняли родители Луизы – пожилая пара, сломленная горем утраты единственной дочери, – разводил руками. Любая попытка упомянуть Константина или «Амбер Отель» встречалась насмешками прокурора и недоумёнными взглядами присяжных. Обвинение предоставило документы, подтверждающие, что отель был продан ещё в 1990 году, а его бывший владелец, некий Константин Михайлович, покинул страну и с тех пор не появлялся. Имя его всплывало в нескольких благотворительных отчётах начала девяностых, но никаких связей с жертвами обнаружено не было.

Самой страшной уликой стал дневник, найденный в квартире Луизы. Тот самый дневник её матери, который Ник читал и который, как он знал, содержал ключ к разгадке. Но прокурор преподнёс его иначе: как доказательство того, что Луиза была психически нестабильна, одержима смертью матери, склонна к паранойе и могла быть лёгкой жертвой для манипулятора. А Ник, по версии обвинения, был тем самым манипулятором, который воспользовался её состоянием и решил избавиться от всей компании, чтобы завладеть наследством.

– Ваша честь, – гремел прокурор, тыча пальцем в сторону

скамьи подсудимых, – перед нами хладнокровный, расчётливый убийца! Шесть человек! Шесть жизней! И всё ради чего? Ради денег? Ради мести? Ради большого удовлетворения?

Ник слушал и молчал. Он смотрел на присяжных – обычных людей, которых оторвали от их обычной жизни, чтобы они решили его судьбу, – и видел в их глазах страх и отвращение. Они уже вынесли приговор. Ещё до того, как защита начала своё заключительное слово.

– Виновен, – объявил судья, и это слово, тяжёлое, как надгробная плита, придавило Ника к скамье подсудимых. – К пятнадцати годам лишения свободы.

Удар молотка по столу прозвучал как захлопнувшаяся дверь гроба.

Тюрьма «Уормвуд Скрабс» встретила его серым, беспросветным существованием. Звук захлопывающейся двери камеры был похож на финальный аккорд похоронного марша. Серый, выцветший мир тюрьмы стал его новым домом.

Здесь не было зеркал-ловушек, не было ледяных улыбок Люси, не было мерцающих призраков в коридорах. Здесь была настоящая, грубая, беспощадная реальность, выкованная из бетона, ржавого металла и человеческого отчаяния. Реальность, в которой каждый день был копией предыдущего. Реальность, в которой время измерялось не днями и ночами, а бесконечными, выматывающими душу годами.

Подъём в шесть утра. Завтрак – жидкая овсянка и чай без

сахара. Работа в прачечной, где пахло хлоркой и чужим потом. Обед – картофельное пюре с сосисками, которые называли мясом только по привычке. Ужин. Прогулка во дворе, обнесённом колючей проволокой, где небо казалось нарезанным на серые квадраты. Отбой в десять. И снова подъём. И снова. И снова.

Ник существовал в этом круговороте как автомат. Он не заводил друзей, не вступал в тюремные разборки, не искал защиты у авторитетов. Он просто делал то, что говорили, и ждал. Чего – он и сам не знал.

Первые два года были самыми тяжёлыми. Мысли о смерти друзей возвращались каждую ночь, превращая сон в кошмар. Он снова видел их лица, слышал их голоса, чувствовал запах той проклятой пиццы. Он просыпался с криком, и соседи по камере – а их менялось немало за эти годы – колоутили по стенам, требуя тишины.

Он пытался писать. Просил у администрации бумагу и карандаш, и ему разрешили. Но строки не складывались. Вместо слов на бумаге появлялись только бессвязные обрывки фраз, имена, даты, вопросы без ответов. Где Луиза? Жива ли она? Где Константин? Почему он позволил Нику сгнить здесь?

На пятом году заключения в его камеру подселили старика.

ЗаклЮчённый 4731, Итан Блэквуд, шестьдесят восемь лет, осуждён за финансовые махинации на двенадцать лет. Ма-

ленький, сухой, сгорбленный, с руками, скрюченными артритом, и глазами, которые смотрели на мир с усталой, всезнающей мудростью. Он был бухгалтером. Лучшим в Лондоне, как он сам утверждал. Работал на такие компании, о которых простые смертные даже не слышали.

– Ты тут из-за женщины? – спросил он Ника на второй день, когда они сидели на своих койках в часы, отведённые для отдыха.

– Из-за шестерых, – ответил Ник, не поднимая глаз.

Старик хмыкнул.

– Шестеро – это серьёзно. Но я не про количество. Я про качество. В твоих глазах есть что-то... не такое, как у остальных убийц. Ты не убийца, пареньь.

– Откуда тебе знать?

– Я тридцать лет смотрел на цифры, – усмехнулся Итан. – Цифры не врут. В отличие от людей. А по цифрам ты выходишь чистым. Я спрашивал. У меня тут есть связи. Твоё дело пахнет не тобой. Кем-то другим. Кем-то, кто умеет замечать следы.

Ник поднял голову и впервые за долгое время посмотрел на собеседника с интересом.

– А ты, значит, разбираешься в заметании следов?

– Я в них профессионал, – старик улыбнулся беззубым ртом. – Именно поэтому я здесь. Переиграл сам себя. Но других я переигрывал всегда. И некоторых очень влиятельных

людей. Например, одного мецената из девяностых. Забыл его имя... Константин, кажется. Работал с ним пару лет. Странный тип. Красивый, как статуя, и холодный, как лёд.

У Ника перехватило дыхание. Он вскочил с койки, подбежал к старику, схватил его за плечи.

– Константин? Константин Михайлович?

– Осторожнее, парень, – Итан поморщился от боли. – Кости старые. Да, кажется, так его звали. Русский, с восточно-европейским акцентом. Платил хорошо. Очень хорошо. Но странный. Очень странный.

– Что ты о нём знаешь? – Ник говорил быстро, задыхаясь от волнения. – Говори всё! Это важно!

Итан смотрел на него долгую минуту, изучая, оценивая, взвешивая. Потом кивнул, принимая решение.

– Ладно, парень. Вижу, это для тебя не просто праздное любопытство. Я расскажу. Но не здесь. Здесь стены имеют уши. Приходи ко мне ночью, когда все уснут. Я расскажу тебе о схемах, о счетах, о подставных фирмах. И о том, где он хранит самое дорогое.

– Что самое дорогое?

– Личные дела, – старик улыбнулся таинственно. – На каждого человека, с которым он работал. С фотографиями, с образцами почерка, с историями болезней и смерти. Он называл это своей коллекцией. Коллекцией отражений. Хранил в банковской ячейке в Швейцарии. Я оформлял аренду.

Ночью, когда тюрьма затихла и только редкие шаги охранников нарушали тишину, Итан Блэквуд рассказал Нику всё.

Говорил он тихо, почти шёпотом, но каждое слово врезалось в память Ника, как раскалённое тавро. Он рассказывал о схемах отмывания денег через подставные фирмы в офшорах, о счетах в швейцарских банках, оформленных на анонимные компании, о переводах, которые невозможно отследить. Он называл имена, даты, цифры – сухие, бездушные цифры, за которыми стояли сломанные жизни и смерти.

– Тот парень, – шептал Итан, – он был не просто богат. Он был безумен. Но безумен по-своему, системно. Он собирал не деньги. Деньги были просто инструментом. Он собирал людей. Талантливых людей. Художников, писателей, музыкантов. Он высасывал из них душу, а потом выбрасывал. И каждый раз открывал новый счёт, новую компанию, новую легенду. Я думал, я просто бухгалтер. А оказалось – смотритель на кладбище.

– Где эта ячейка? – спросил Ник. – В каком банке?

– Цюрих. «Швайцерше Банкгезельшафт». Номер 217. Он был помешан на этом числе. Всё у него было связано с двести семнадцатым. Номер дома, номер отеля, номер комнаты, номер счёта. Помешанный.

Ник закрыл глаза. 217. Тот самый номер. Комната, которой не существовало. Ключ, который мать Луизы держала в руках. Всё сходилось.

– Ты должен выбраться отсюда, парень, – сказал Итан пе-

ред тем, как провалиться в сон. – Должен найти эту ячейку. Там правда. Вся правда, которую он так старательно прятал.

Ник не спал всю ночь. Он лежал на своей койке, смотрел в серый потолок и впервые за пять лет чувствовал не отчаяние, а что-то другое. Надежду. Слабую, призрачную, но настоящую.

Константин не был неуязвим. У него были слабости. У него была коллекция. И где-то в этой коллекции хранилось имя Луизы. Жива ли она? Умерла ли? Он должен был узнать.

Итан Блэквуд умер через полгода. Сердце не выдержало. Но перед смертью он успел передать Нику главное: название банка, номер ячейки, имена подставных фирм и примерные даты транзакций. Всё, что нужно было для того, чтобы начать охоту.

Следующие десять лет Ник жил этой информацией. Он перебирал в голове детали снова и снова, выстраивал планы, рисовал карты. Он не писал писем, не искал адвокатов, не подавал апелляций. Он просто ждал. Ждал дня, когда откроется дверь его камеры и скажут: «Хитклиф, собирайся. Ты свободен».

Этот день наступил через пятнадцать лет, два месяца и семь дней после того, как за ним захлопнулась дверь камеры впервые.

– Хитклиф! – голос охранника был таким же равнодушным, как и всегда. – На выход. С вещами.

Ник сидел на койке, сжимая в руках пожелтевшую фотографию, которую хранил все эти годы. На ней были они все – Луиза, Лили, Ребекка, Софи, Растриэль, Ник. Смеющиеся, молодые, живые. Последний вечер перед тем, как всё рухнуло.

Он аккуратно спрятал фото во внутренний карман куртки – той самой, в которой его арестовали пятнадцать лет назад и которую ему вернули вместе с остальными вещами. Куртка была старой, выцветшей, но на удивление сохранившейся. Как и он сам.

Шлюзы открывались один за другим. Металлические двери лязгали за спиной, отрезая путь назад. Последняя дверь открылась наружу, и Ник шагнул в лондонское утро.

2005 год встретил его дождём. Мелким, морозящим, тем самым лондонским дождём, который не прекращался, кажется, все пятнадцать лет, что он провёл взаперти. Воздух был сырым, тяжёлым, но таким живым! Он вдыхал его полной грудью, чувствуя, как лёгкие наполняются чем-то, чего они были лишены так долго – свободой.

За тюремными воротами его ждал автобус. Старый, красный, двухэтажный, какой-то невероятно яркий после серых тюремных стен. Ник сел наверху, у окна, и смотрел, как проплывает мимо Лондон, изменившийся и неузнаваемый.

Повсюду были телефоны-автоматы, но другие – с кнопками, а не с дисками. Люди говорили по маленьким трубкам, прижатым к уху, и казалось, что они разговаривают

сами с собой. На стенах висели афиши концертов групп с незнакомыми названиями – Arctic Monkeys, Franz Ferdinand, Radiohead. Название Radiohead он помнил, они были популярны до его ареста. Остальные были новыми, чужими.

Город изменился. Стал быстрее, ярче, громче. Повсюду мигали рекламные щиты, играла музыка, люди куда-то спешили, не глядя друг на друга. Ник чувствовал себя инопланетянином, заброшенным на чужую планету.

Автобус высадил его на Кентиш-Таун-роуд. Отсюда нужно было идти пешком. К дому Луизы.

Он шёл медленно, впитывая каждую деталь. Автоматические двери супермаркета, которые с шипением открывались перед покупателями, заставили его вздрогнуть и отшатнуться. Парень с ирокезом, проехавший мимо на скейте, обернулся и что-то крикнул, но Ник не разобрал слов. Девушка в короткой юбке и с сигаретой в зубах говорила по телефону, прижатому плечом к уху, и громко смеялась.

Всё было чужим. Всё было незнакомым.

Кроме одного.

Дом Луизы стоял на том же месте.

Он не изменился. Та же облупившаяся штукатурка, те же высокие окна, тот же старый платан во дворе. Только машины у подъезда были другие – современные, блестящие, незнакомых марок. И вывеска на первом этаже: интернет-кафе. Что это такое, Ник не знал, но за стеклом виднелись лю-

ди, сидящие перед яркими экранами.

Он подошёл к подъезду, набрал код, который помнил наизусть. 217. Сердце сжалось. Тот же код, что и у всего, что было связано с Константином. Замок щёлкнул, дверь открылась.

Лестница пахла всё той же сыростью, кошками и чужими обедами. Ник поднимался медленно, считая ступеньки. Первый этаж. Второй. Третий.

Дверь квартиры 47 была заперта. На ней висела табличка с незнакомой фамилией. «Стэнхоуп». Чужие люди жили здесь теперь. Чужая жизнь текла за этой дверью.

Ник долго стоял на лестничной клетке, глядя на табличку. Потом достал из кармана связку старых ключей – тех самых, что лежали в вещдоках и которые ему вернули при освобождении. Ключ от этой двери тоже был там.

Он вставил ключ в замок. Провернул. Замок щёлкнул, дверь открылась.

Внутри всё было по-другому. Другие обои, другая мебель, другие запахи. Ник прошёл в комнату, которая когда-то была кухней. Теперь здесь была спальня. Чужая кровать, чужой шкаф, чужие фотографии на стенах.

Он вышел так же тихо, как вошёл. Закрыв дверь, вытер отпечатки пальцев – старые привычки, оставшиеся с тех времён, когда он смотрел детективы по телевизору.

Луизы здесь не было. Но где-то она должна быть. Живая или мёртвая, он должен был узнать.

В кармане у него лежала пожелтевшая бумажка с адресом, который дал ему Итан Блэквуд перед смертью. Адрес букинистического магазина на Черинг-Кросс, где, по словам старика, можно было найти того, кто знает дорогу к правде.

Ник спустился по лестнице и вышел под дождь.

Лондон 2005 года шумел вокруг, равнодушный к его боли, к его надежде, к его пятнадцати годам, вычеркнутым из жизни.

Но Ник больше не был жертвой. Он был охотником.

И он только начинал охоту.

Глава 2

Дневник матери Луизы

Черинг-Кросс встретила Ника запахом старых книг, жареных каштанов и выхлопных газов. Узкая улица, знакомая по прошлой жизни, теперь казалась чужой и одновременно пугающе родной. Те же букинистические развалы под навесами, те же вывески, те же завсегдатаи, роющиеся в ящиках с потрёпанными томами в надежде найти сокровище. Но люди изменились. Вернее, изменилась их одежда, их телефоны, их манера двигаться – быстрее, нервнее, с зажатыми в руках пластиковыми карточками и наушниками в ушах.

Ник шёл медленно, впитывая каждую деталь этого нового для него мира. Девушка в короткой джинсовой куртке говорила по крошечному серебристому телефону, прижимая его плечом к уху, и одновременно листала какой-то глянцевого журнала. Парень в широких штанах и с наушниками-вкладышами проехал на скейте, едва не задев Ника плечом, и даже не извинился. Из открытых дверей кафе доносилась музыка, которую Ник не узнавал – быстрая, электронная, с повторяющимся ритмом, от которой у него начинала болеть голова.

Он чувствовал себя археологом, попавшим в будущее. Каждая мелочь – пластиковые карточки вместо наличных,

люди, разговаривающие сами с собой по невидимым наушникам, плоские экраны на стенах, показывающие рекламу, – всё это было чужим и пугающим. Но Ник гнал от себя эти мысли. У него была цель.

Адрес, который дал ему Итан Блэквуд перед смертью, был выжжен в памяти: Черинг-Кросс, 84, вход со двора. «Моррисовы книги. Букинистика и раритеты». Итан говорил, что это место – последний оплот старого Лондона, которое не изменилось за полвека и где можно найти того, кто знает дорогу к правде.

Ник нашёл нужный дом. Обычное серое здание викторианской эпохи, с облупившейся штукатуркой и ржавыми водосточными трубами. На первом этаже – круглосуточный магазинчик, над ним – офисы каких-то компаний. А между антикварной лавкой и кафе, где пахло эспрессо и круасанами, была неприметная деревянная дверь, выкрашенная тёмно-зелёной краской, облупившейся настолько, что сквозь неё проглядывало старое дерево

Табличка гласила: «Моррисовы книги. Букинистика и раритеты. Вход по предварительной договорённости». Под ней висел старый, ещё довоенный звонок с надписью «Press» на потускневшей латунной пластинке.

Ник нажал.

Долго никто не открывал. Он ждал, переминаясь с ноги на ногу под морозящим дождём, и считал про себя секунды.

Прошла минута. Две. Пять. Он уже собрался уходить, решив, что ошибся адресом или что Итана Блэквуда кто-то обманул, когда щёлкнул замок и дверь со скрипом приоткрылась.

В проёме появилась женщина. На вид ей можно было дать и шестьдесят, и все семьдесят – возраст скрадывался той особенной статью, которая бывает у людей, проживших долгую, трудную, но достойную жизнь. Седая, с волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке, в тёмном шерстяном платье и вязаной кофте, накинутой на плечи. Лицо её было изрезано морщинами, но глаза – большие, серые, с удивительно живым, почти молодым блеском – смотрели на мир с той особенной мудростью, что приходит только после долгих лет, полных потерь и обретений.

– Мистер Хитклиф, – сказала она утвердительно, без тени вопроса. Голос её был низким, чуть хрипловатым, с теми интонациями, которые бывают у людей, привыкших читать вслух. – Я вас ждала. Итан предупредил, что вы придёте. Через пятнадцать лет, но предупредил.

Она посторонилась, пропуская Ника внутрь.

За порогом оказался совсем иной мир. Первое, что поразило Ника, – запах. Тысячи книг, собранных под одной крышей, пахли по-особенному. Это была сложная, многослойная смесь: старая бумага, типографская краска, кожа переплётов, столярный клей, пыль, собиравшаяся десятилетиями, и ещё что-то неуловимое, сладковато-пряное – может быть, ладан, а может, просто время, застывшее в воздухе.

Магазин оказался настоящим лабиринтом. Узкие проходы между стеллажами, уходящими под самый потолок, терялись в полумраке. Книги стояли не только на полках – они громоздились на полу стопками, лежали на подоконниках, занимали каждый свободный сантиметр пространства. Здесь были и старинные фолианты в кожаных переплётках с золотым тиснением, и потрёпанные томики в бумажных обложках, и какие-то брошюры, и альбомы с репродукциями.

Женщина вела Ника молча, и он слышал только собственное дыхание и тихий скрип половиц под ногами. Где-то в глубине магазина тикали напольные часы – медленно, торжественно, словно отсчитывая не минуты, а целые эпохи.

Они остановились в маленькой комнатке в самой глубине магазина, заставленной коробками и стопками книг до самого потолка. Единственное окно выходило в кирпичную стену соседнего здания, и света было так мало, что женщина включила настольную лампу с зелёным абажуром – старую, ещё с лампой накаливания, которая зажужжала и замигала, прежде чем загореться ровным тёплым светом.

– Садитесь, мистер Хитклиф, – женщина указала на шаткий деревянный стул с резной спинкой, явно антикварный. – Меня зовут Маргарет Эллиот. Я была подругой Кэтрин Браун. Матери Луизы.

Ник сел. Стул жалобно скрипнул под его весом.

– Вы знали её? – спросил он. – Кэтрин?

– Знала ли я её? – Маргарет горько усмехнулась, усаживаясь напротив в такое же старое кресло. – Мы дружили двадцать лет, мистер Хитклиф. С самого университета. Она была самой талантливой женщиной из всех, кого я встречала. И самой несчастной. Константин сломал её. Сломал задолго до того, как убил.

Ник сжал подлокотники стула.

– Откуда вы знаете, что он убил её?

– Я была на том благотворительном вечере. За неделю до её смерти. Я видела, как он смотрел на неё. Как собственник смотрит на вещь, которая перестала ему нравиться. Я предупреждала Кэтрин. Говорила: беги, пока не поздно. Но она не могла. Он держал её. Не цепями – страхом. Страхом за Луизу.

Маргарет замолчала, глядя куда-то в сторону, в темноту за кругом света от лампы. Потом вздохнула и продолжила:

– После её смерти я пыталась говорить с полицией. Меня никто не слушал. У них были документы, подписи, показания «надёжных свидетелей». А у меня были только слова и этот ключ.

Она протянула руку к ящику стола – старинного, с бронзовыми ручками в виде львиных голов, – и достала маленький предмет, завернутый в выцветший шёлковый платок.

– Итан сказал, что вы придёте, – повторила она, разворачивая платок. – Он верил в вас. Говорил: «Этот парень не сломается. Он дойдёт до конца».

На платке лежал ключ. Старый, латунный, тяжёлый, с замысловатой резьбой на головке. Ник взял его в руки – металл был холодным, но в этом холоде чувствовалась не обычная температура, а что-то другое, древнее, почти осязаемое. На головке ключа были выгравированы цифры: 217.

– Тот самый номер, – прошептал Ник.

– Да, – кивнула Маргарет. – Кэтрин оставила его мне за неделю до смерти. Сказала: «Если с Луизой что-то случится, если я не вернусь, отдай это тому, кто будет искать правду. Там всё. Все ответы».

– Почему вы не отдали это полиции? На суде?

Маргарет посмотрела на него с такой горькой усмешкой, что Нику стало не по себе.

– Я пыталась, мистер Хитклиф. О, как я пыталась! Я приходила в участок, показывала ключ, рассказывала про Константина, про отель, про Кэтрин. Знаете, что мне сказали в первый раз? «Миссис Эллиот, вы, наверное, переутомились. Выпейте чаю, отдохните». Во второй раз – «Мы проверили. Никакого Константина Михайловича не существует в природе. Отель продан, дела закрыты, а вы, извините, тратите время полиции». В третий раз меня просто не пустили на порог. Консьерж сказал, что у них приказ не пускать «сумасшедшую старуху».

Она помолчала, поправляя выцветший платок на столе.

– У них были документы, мистер Хитклиф. Настоящие

документы, с печатями, с подписями. А у меня был только ключ и слова мёртвой женщины. Кто бы мне поверил?

– Где ячейка? – спросил Ник. – В каком банке?

– Цюрих. «Швайцерше Банкгезельшафт». Номер счёта 217-А. Итан подтвердил. Он работал с Константином, вёл его финансовые дела в восьмидесятых. Он знал.

Ник сжал ключ в кулаке. Металл впивался в ладонь, но он не чувствовал боли. Только холод. Тот самый холод, о котором писала Кэтрин в своём дневнике.

– Дневник, – сказал он. – Луиза говорила о дневнике матери. Где он?

Маргарет снова полезла в ящик. На этот раз она достала не платок, а старую, потрёпанную тетрадь в твёрдом переплёте цвета выцветшей охры. На обложке не было надписи, только маленький рисунок на полях – птица, похожая на ворона, с веткой в клюве, и рядом капля, похожая на янтарь.

– Это не всё, – сказала Маргарет, протягивая дневник. – Там есть ещё кое-что. Между страницами. Посмотрите.

Ник взял дневник. Бумага была шершавой, пожелтевшей по краям, с тёмными пятнами там, где чернила въелись в листы. Он открыл первую страницу и увидел почерк – красивый, чуть старомодный, с завитками над заглавными буквами, который он уже видел в записях, найденных когда-то в квартире Луизы. Материнский почерк.

– Я оставлю вас, – сказала Маргарет, поднимаясь с явным усилием. Её суставы хрустнули. – Читайте. Здесь есть чай в

термосе, печенье в коробке. Я буду в соседней комнате, если понадобится. Это займёт время. Дневник длинный.

Она вышла, и Ник остался один.

Зелёный свет лампы падал на пожелтевшие страницы. За стеной тикали часы – мерно, неумолимо. Где-то в глубине магазина скрипнула половица – может быть, Маргарет, а может, просто старое здание вздохнуло во сне.

Ник открыл дневник и начал читать.

Первые страницы были датированы 1968 годом. Кэтрин Браун была тогда молодой девушкой, только начинающей свой путь в литературе. Она писала о своих мечтах, о первых рассказах, напечатанных в студенческой газете, о любви к дочери – маленькой Луизе, которой тогда было всего два года.

«Луиза сегодня впервые сказала "мама", – писала Кэтрин 3 марта 1968 года. – Я расплакалась от счастья. Она такая чудесная, такая светлая. Я напишу для неё книгу. Самую лучшую книгу в мире. Чтобы она знала, как сильно я её люблю».

Ник перелистывал страницы, и годы проходили перед его глазами. 1969, 1970, 1971 – записи становились всё короче, всё деловитее. Кэтрин много работала, пыталась пробиться в большой литературе, рассылала рукописи по издательствам, получала отказы, снова писала. Иногда мелькали заметки о Луизе – как она пошла в школу, как научилась читать, как

сочинила свой первый рассказ.

Запись от 12 сентября 1975 года:

«Луиза принесла из школы своё сочинение. "Моя мама – писательница". Я расплакалась снова. Она написала, что я самая лучшая мама на свете и что она тоже хочет стать писательницей, когда вырастет. Боже, как бы я хотела уберечь её от всего этого. От этой вечной борьбы, от этих отказов, от этой боли, которая приходит вместе с каждой написанной строкой. Но если она действительно хочет... я помогу ей. Я всегда буду помогать».

Запись от 3 марта 1979 года:

«Сегодня меня пригласили на обед к одному очень влиятельному человеку. Константин Михайлович – так его зовут. Говорят, меценат, спонсор, коллекционер. Он читал мои рассказы и хочет со мной познакомиться. Странно. Обычно такие люди не интересуются начинающими писателями. Но отказываться глупо. Вдруг это мой шанс?»

Запись от 15 марта 1979 года:

«Он странный. Очень красивый, элегантный, с безупречными манерами. Но от него веет холодом. Не таким, как от обычных людей. Каким-то другим, древним. Он расспрашивал меня о работе, о творчестве, о том, как я нахожу идеи. Я говорила, говорила, говорила... а потом поняла, что сказала слишком много. Он слушал так, будто записывал каждое слово. Будто изучал меня. Я вернулась домой и долго не могла уснуть. Всё думала о его глазах. Они пустые.

Абсолютно пустые. Как у статуи».

Запись от 2 апреля 1979 года:

«Он пригласил меня в свой отель. „Амбер“. Место красивое, но жутковатое. Старинный особняк на окраине, окружённый парком. Внутри всё очень дорого, очень стильно, но какое-то... мёртвое. Особенно зеркала. Их там много, огромных, в тяжёлых рамах, и они какие-то неправильные. Я смотрела в одно и увидела не себя, а кого-то другого. Женщину в белом, с распущенными волосами. На секунду. Потом наваждение прошло. Константин сказал, что это игра света и старых стёкол. Наверное, я просто переутомилась».

Дальше записи становились всё тревожнее. Почерк менялся, становился более нервным, торопливым. Кэтрин явно писала урывками, боясь, что её застанут за этим занятием.

Запись от 18 июня 1979 года:

«Я поняла. Боже, я поняла, что он делает. Он не просто коллекционирует людей. Он забирает их суть. Их талант. Их душу. Я видела рисунки одного художника, который жил в отеле. Он показывал мне свои работы – они были гениальны, пронзительны, в них была жизнь. А через месяц он исчез. Просто исчез. Константин сказал, что он уехал, что не выдержал славы, запил, пропал где-то. Но я знаю правду. Он никуда не уехал. Он всё ещё там. В стенах. В зеркалах. Я слышала его ночью. Он плакал. Где-то очень далеко, из-за стены».

Запись от 3 июля 1979 года:

«Я пыталась уехать. Собрала вещи, вызвала такси. Но машина не приехала. Телефон не работал. Я вышла на дорогу пешком – через парк, через лес. Шла час, два. И вышла обратно к отелю. Дорога замкнулась в кольцо. Я поняла – он не отпустит меня. Никогда».

Запись от 7 сентября 1979 года:

«Я боюсь. Боюсь за Луизу. Константин слишком часто спрашивает о ней. Говорит, что она, наверное, унаследовала мой талант. Что хочет с ней познакомиться, когда она вырастет. Спрашивает, какие книги она любит, что пишет, о чём мечтает. Я запретила себе даже думать об этом. Она не должна приближаться к этому человеку. Никогда. Лучше я умру, чем допущу это».

Запись от 12 ноября 1979 года:

«Я пишу это втайне, пока он думает, что я сплю. Он оставил меня в отеле на ночь. Сказал, что хочет показать что-то важное. Показал. Это был... я не могу описать. Это был ад. Зеркала в главном зале – они не просто отражают. Они открываются. Я видела там людей. Тех, кого он забрал. Они стояли там, за стеклом, и смотрели на меня. Молча. С укоризной. Я узнала художника. И ту женщину-поэтессу, что исчезла в прошлом году. И многих других. Они были там. Запертые в отражениях. Я должна бежать. Должна спасти себя и Луизу. Но как? Как, если дороги ведут обратно?»

Запись от 13 ноября 1979 года:

«Я нашла выход. Через подвал. Там есть старая дверь, заваленная хламом. Я расчистила её сегодня ночью. Она ведёт в старый туннель – кажется, ещё с войны, бомбоубежище. Туннель выходит в лес, за парком. Завтра ночью я уйду. Если успею».

Запись от 14 ноября 1979 года:

«Он знает. Он всё знает. Я вернулась в свою комнату после того, как нашла туннель, а он уже сидел в кресле. Ждал. Смотрел на меня своими пустыми глазами и улыбался. Сказал: „Ты думала, я не замечу? Я замечаю всё, Кэтрин. Особенно когда мои игрушки пытаются сбежать“. Я спросила, что он сделает с Луизой. Он рассмеялся. Сказал: „С Луизой? Ничего. Если ты будешь послушной. Если допишешь книгу. Если оставишь все эти глупости“. Я согласилась. Что мне оставалось?»

Последняя запись была сделана за день до смерти Кэтрин Браун. Почерк был почти нечитаемым – буквы насакивали друг на друга, строчки сползали вниз, словно Кэтрин писала на бегу, оглядываясь через плечо, боясь, что её застанут.

Запись от 16 ноября 1979 года:

«Он знает. Он знает, что я не дописала. Что я спрятала правду в дневнике. Он улыбается своей ледяной улыбкой и говорит, что я скоро всё пойму. Что мой талант пригодится ему. Что Луиза... нет, не смей думать о Луизе. Я спрята-

ла дневник. Я спрятала ключ. Я оставила подсказки. Если ты читаешь это, Луиза, или кто-то, кто ищет правду, – знай: он не человек. Он что-то другое. Что-то древнее, что питается чужими талантами, чужими жизнями. Я видела его коллекцию. Там, в зеркалах. Он хранит их там – всех, кого забрал. И единственный способ победить его – найти главное зеркало. То, которое не отражает, а забирает. Оно где-то в отеле. В комнате без номера. Там, где всё началось. 217. Запомни это число. 217. И ещё – птица. Рисунок на полях. Это ключ. Найди птицу – найдёшь правду».

На этом запись обрывалась. Дальше шли чистые страницы – много, очень много чистых страниц, которые Кэтрин уже не суждено было заполнить.

Ник сидел неподвижно, глядя на последние строки. Руки его дрожали – мелко, неконтролируемо, как тогда, в ночь смерти друзей. Перед глазами стояли строчки дневника, сплетаясь в жуткую картину: зеркала, запертые души, ледяная улыбка Константина, отчаяние женщины, пытавшейся спасти дочь.

Он перевернул несколько страниц назад и вдруг заметил то, чего не видел раньше. Между страницами 112 и 113 был вложен тонкий листок папиросной бумаги, почти прозрачный, настолько старый, что края его рассыпались при малейшем прикосновении. На нём карандашом, очень слабо, почти невидимо, были нарисованы какие-то схемы.

Ник осторожно развернул листок. Это был план здания. «Амбер Отель». Три этажа, подвал, чердак. Комнаты, коридоры, лестницы, служебные помещения. И крестик, поставленный карандашом, в одном месте – на третьем этаже, в конце длинного коридора, в комнате, которая на плане не имела номера. Рядом с крестиком тем же почерком было приписано: «Здесь. Там, где нет зеркал. Там, где он прячет самое дорогое. Там Луиза, если она ещё жива».

Ник всмотрелся в план. Комната без номера располагалась как раз над тем местом, где, судя по дневнику, находился главный зал с зеркалами. И если верить схеме, туда можно было попасть только через потайную лестницу – на плане она была обозначена пунктиром.

– Боже, – прошептал Ник.

Он перебирал страницы дальше, надеясь найти ещё что-то. И нашёл. На одной из последних страниц, там, где Кэтрин уже не писала, была вклеена маленькая фотография. Чёрно-белая, любительская, явно сделанная старым «Полароидом». На ней были двое: молодая Кэтрин, счастливая, улыбающаяся, и маленькая Луиза лет пяти, сидящая у неё на коленях. Они сидели на скамейке в каком-то парке, за их спинами виднелись деревья и кусочек неба. Обычная семейная фотография, каких тысячи.

Но на обороте кто-то написал: «Единственное, что он не сможет у меня отнять. К.Б. 1975».

Ник долго смотрел на фотографию. Потом аккуратно вло-

жил её обратно в дневник и продолжил листать.

На самой последней странице, почти на внутренней стороне обложки, он обнаружил ещё один рисунок. Тот же ворон с веткой в клюве, что и на обложке. Но теперь Ник рассмотрел его внимательнее. Ветка была не простой – на ней висела янтарная капля. И если присмотреться, в этой капле можно было разглядеть очертания цифр. 217.

– Птица, – прошептал Ник. – Она говорила о птице.

Он вспомнил слова из последней записи: «Найди птицу – найдёшь правду». Что это значило? Где искать эту птицу? В отеле? В банковской ячейке? В другом месте?

Дверь тихо скрипнула. Маргарет вошла с чашкой горячего чая в руках – старый фарфор, расписанный розами, с золотым ободком. Поставила перед Ником, села напротив.

– Нашли что-то важное?

– Да, – Ник поднял на неё глаза. В них была решимость, которой не было ещё час назад. – Мне нужно в Цюрих. В банк. И в отель.

– Отель снесли, – тихо сказала Маргарет. – В девяносто пятом. Я ездила туда, когда узнала. Хотела найти хоть что-то. Но там теперь жилой квартал. Дома, магазины, детская площадка. Ничего не осталось.

– Значит, начну с банка.

Маргарет кивнула, но в её глазах было беспокойство.

– Это опасно, мистер Хитклиф. Константин... если он

жив, если он всё ещё там, если он узнает, что вы ищете... Он не простит вам этого вторжения. Итан говорил мне о нём. Говорил, что у него везде глаза. Что он чувствует, когда кто-то приближается к его коллекции.

– Он забрал у меня пятнадцать лет жизни, – сказал Ник.
– Забрал моих друзей. Забрал Луизу. Мне нечего терять.

Маргарет смотрела на него долго, изучающе. Потом достала из кармана своей вязаной кофты сложенную в несколько раз купюру – пятьдесят фунтов, старые, ещё с портретом королевы в молодости.

– Это всё, что я могу дать. На дорогу. Остальное вы должны найти сами.

Ник взял деньги. Они были тёплыми от её рук.

– Спасибо, Маргарет. Я верну.

– Не за что, – она покачала головой. – Просто привезите её домой. Если она ещё жива. Если она ещё там.

Ник спрятал дневник во внутренний карман куртки, туда же положил ключ от банковской ячейки, завернутый в платок. Поднялся.

– Я пойду.

– Подождите, – Маргарет остановила его жестом. – Есть ещё кое-что. Я не знаю, поможет ли это, но... Кэтрин оставила мне не только ключ. Она оставила кассету.

– Кассету?

– Видеокассету. Старую, VHS. Я так и не посмотрела её. Не решилась. Она лежит у меня уже пятнадцать лет. Может

быть, там есть что-то важное.

Она снова полезла в ящик и достала запылившуюся видеокассету в потёртом футляре. На футляре было написано всего одно слово: «Луизе».

– Возьмите, – Маргарет протянула кассету Нику. – У меня нет видеомэгнитофона. Старый сломался, новый я не покупала. Может быть, вы найдёте, где посмотреть.

Ник взял кассету. Она была лёгкой, почти невесомой, но в руках ощущалась как что-то очень тяжёлое. Последнее послание мёртвой матери к пропавшей дочери.

– Я найду, – сказал он.

Они вышли из маленькой комнаты и двинулись обратно через лабиринт стеллажей. У выхода Маргарет остановилась, положила руку на плечо Ника.

– Будьте осторожны, мистер Хитклиф. Константин не тот, за кого себя выдаёт. Он старше, чем кажется. Гораздо старше. Итан говорил, что видел документы, которые это подтверждают. Даты рождения, которых не могло быть. Фотографии, на которых он не меняется десятилетиями. Будьте осторожны.

– Я буду.

Она открыла дверь. С улицы ворвался шум дождя и городского движения. Ник шагнул за порог, и дверь за ним закрылась, отрезая путь назад.

Он стоял под морозящим дождём, сжимая в кармане

дневник, ключ и видеокассету, и смотрел на серое лондонское небо. Мысли путались, но одна пробивалась сквозь все остальные: Луиза жива. Она должна быть жива. Иначе зачем всё это? Зачем дневник? Зачем ключ? Зачем кассета с её именем?

Где-то рядом зажужжал красный телефонный автомат – старый, ещё с круглым диском, чудом уцелевший в этом новом мире пластика и стекла. Ник подошёл к нему, поднял трубку. В трубке были гудки. Он опустил монетку в щель, набрал номер – старый, ещё с тех времён, номер Маркуса, редактора Луизы.

– Алло? – раздалось в трубке после третьего гудка. Голос был старым, уставшим, но узнаваемым.

– Маркус, это Ник Хитклиф.

Пауза. Долгая, очень долгая.

– Ник? – Голос Маркуса дрогнул. – Господи, Ник... Тебя выпустили?

– Выпустили. Мне нужна помощь. Нужен видеомонофон. И нужно поговорить.

– Где ты?

– Черинг-Кросс. Возле букинистического магазина.

– Стой там. Я приеду. Через час. Никуда не уходи.

Гудки оборвались. Ник повесил трубку и прислонился спиной к холодному стеклу телефонной будки. Дождь хлестал по стеклу, стекал мутными ручьями, размывая очерта-

ния города.

Он достал из кармана дневник, раскрыл на последней странице, посмотрел на рисунок ворона с янтарной каплей в клюве. Птица смотрела на него чёрным глазом, и в этом взгляде было что-то древнее, что-то, что не принадлежало этому миру.

– Я найду тебя, Луиза, – прошептал Ник. – Где бы ты ни была. Я найду.

Глава 3

Амбер отель

Станция метро «Кентиш-Таун» встретила Ника привычным запахом сырости, металла и чего-то неуловимо сладковатого – то ли дешёвых духов, то ли жвачки, прилипшей к полу, то ли просто той особенной атмосферы лондонской подземки, которая не менялась десятилетиями. Он стоял на краю платформы, сжимая в руке потрёпанный экземпляр дневника Кэтрин Браун, и смотрел в чёрную пасть туннеля, откуда должен был появиться поезд. Пальцы машинально поглаживали потёртую обложку, на которой всё ещё можно было разглядеть выцветший рисунок – ворона с янтарной каплей в клюве.

Рядом с ним, на скамейке, сидел подросток в огромных наушниках, закрывающих полголовы, отбивая ногой какой-то сложный ритм по плитке. Из наушников доносилось приглушённое бумканье – новая музыка, которую Ник не узнавал. Чуть дальше молодой человек в строгом костюме листал какие-то бумаги, нервно поглядывая на часы. Мир спешил по своим делам, не замечая человека, который пятнадцать лет не ездил в метро, для которого даже простой турникет был чем-то новым и непривычным.

Ник поймал себя на том, что сжимает дневник так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он заставил себя расслабиться, убрал книгу во внутренний карман куртки, туда же, где лежали ключ от банковской ячейки и видеокассета с надписью «Луизе». Три сокровища. Три ключа к разгадке. Три ниточки, ведущие в темноту.

Поезд пришёл с характерным гулом, нарастающим откуда-то из глубины туннеля. Сначала появился свет фар, потом ветер, пахнувший машинным маслом, электричеством и тёртым металлом, а затем и сам состав вырвался из темноты, замедляя ход с пронзительным скрежетом тормозов. Двери открылись с шипением, выпуская поток пассажиров, и Ник вошёл в вагон.

Вагон был почти пуст – час пик ещё не начался, и только несколько человек сидели на пластиковых сиденьях, уткнувшись кто в книгу, кто в газету, кто просто в пустоту. Ник выбрал место у окна, сел, положил рюкзак на колени и уставился в темноту туннеля, которая проносилась за стеклом с гипнотической монотонностью.

Чёрный тоннель, мелькающие огни, редкие лампы на стенах, создающие иллюзию стремительного движения в никуда. Ник смотрел на это мелькание и думал о том, как его собственная жизнь последние пятнадцать лет была точно таким же туннелем – без просвета, без надежды, без цели. И только сейчас, когда в руках у него оказался дневник матери Луизы, в этом туннеле забрезжил свет.

Станции мелькали одна за другой. Голос диктора объявлял названия, и Ник вслушивался в них, пытаясь сориентироваться в этом новом мире, где даже привычные названия звучали иначе – быстрее, отрывистее, словно диктору платили за каждую сэкономленную секунду.

«Морнингтон-Кресент». За окном промелькнула платформа с редкими пассажирами, рекламный щит с улыбающейся женщиной, держащей в руках мобильный телефон – тонкую серебристую трубку, которая показалась Нику чудом техники. В его время телефоны были большими, тяжёлыми, с выдвижными антеннами, и носили их в основном бизнесмены в дорогих костюмах. Теперь, судя по рекламе, они были у всех.

«Юстон». На платформе толпились люди с чемоданами – вокзал рядом. Кто-то спешил на поезд в Манчестер или Эдинбург, кто-то только приехал в Лондон и теперь растерянно оглядывался, держа в руках карту. Ник узнавал это выражение на их лицах – растерянность человека, попавшего в незнакомый мир. Он сам сейчас выглядел точно так же.

«Уоррен-стрит». В вагон вошли трое подростков – мальчик и две девочки, все в широких джинсах и футболках с непонятными Нику надписями. Они говорили громко, перебивая друг друга, смеялись, и в их смехе не было ничего, кроме беззаботности. Один из парней достал плеер – маленький, плоский, серебристый, не больше пачки сигарет,

– и протянул наушники одной из девушек. Она приложила крошечный наушник к уху и вдруг заулыбалась, закивала в такт музыке.

– Класс! – крикнула она. – Это же новая группа, да? Как их там... Franz Ferdinand?

– Ага, – парень довольно кивнул. – С диска, который я вчера купил. Легальный, между прочим. В магазине.

Ник смотрел на них и чувствовал себя инопланетянином. В его время музыку слушали на кассетах, переписывали друг у друга, записывали с радио. А эти дети – они были из другого мира. Из мира, который построили без него.

На «Тоттенхем-Корт-роуд» компания вышла, и в вагон вошли новые пассажиры. Студенты – судя по рюкзакам и усталым лицам, после лекций. Пожилая пара с собакой маленькой собачкой в сумке-переноске. Мужчина в деловом костюме, говорящий по телефону – не по тому, большому, с антенной, а по маленькому, который он держал в руке, как драгоценность.

– Нет, я сказал, сделка должна быть закрыта до пятницы, – говорил он в трубку. – До пятницы, слышишь? Если они не соглашаются на наши условия, мы уходим. Да, прямо сейчас.

Ник смотрел в окно и видел там не туннель, а отражение своего лица – постаревшего, осунувшегося, с глубокими морщинами у рта, которых не было пятнадцать лет назад, и сединой на висках, которую он впервые заметил только се-

годня утром, глядя в мутное зеркало в камере перед выходом. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет, вычеркнутых из жизни. Пятнадцать лет, за которые мир ушёл вперёд, оставив его где-то далеко позади.

На «Грин-парке» Ник вышел и перешёл на другую ветку. «Пикадилли-лайн» – до неё нужно было идти через длинный переход, мимо магазинчиков, торгующих газетами и шоколадками, мимо автоматов с газировкой, мимо уличных музыкантов, игравших на скрипках и гитарах. Один из них – молодой парень с дредами – пел что-то под гитару, и голос его разносился под сводами станции, создавая странную, почти церковную акустику.

Платформа «Пикадилли-лайн» была заполнена людьми с чемоданами. Туристы – их можно было узнать сразу по растерянным лицам, по картам в руках, по фотоаппаратам на шеях. Они говорили на разных языках: французском, немецком, японском, испанском, итальянском. Кто-то держал путеводитель с яркой обложкой, кто-то обсуждал план поездки, тыча пальцем в карту Лондона. Мир стал другим – открытым, быстрым, глобальным. В 1990 году туристов было меньше, и они были другими – более серьёзными, более официальными. Теперь путешествия стали доступны всем.

Поезд до Холборна пришёл через несколько минут. Ник вошёл в вагон и снова сел у окна. Состав нырнул в туннель, и за стеклом снова понеслась темнота, разрываемая редкими огнями.

На станции «Лестер-сквер» произошло то, что заставило Ника замереть.

Поезд замедлил ход, подъезжая к платформе, и Ник увидел стены станции. Они были увешаны старыми плакатами – не новыми, глянцевыми, а настоящими старыми, выцветшими, пожелтевшими от времени, оставшимися, видимо, от какой-то ретро-выставки или просто забытыми после давнего ремонта.

Плакаты рекламировали театры, которых больше не существовало. Спектакли, которые давно уже не играли. Фильмы, которые никто уже не помнил.

«Ковент-Гарден, сезон 1989». Яркая афиша с танцовщицей в пачке, рекламирующая балет «Щелкунчик». «Шекспировский театр, „Гамлет“ с Аланом Рикманом». Чёрно-белый портрет актёра в профиль. «Королевский балет, „Лебединое озеро“, 1990». Белые пачки на синем фоне.

Ник смотрел на них, и на мгновение ему показалось, что время повернуло вспять. Что он снова в том Лондоне, который помнил и любил. Где они с Луизой ходили в кино на «Криминальное чтиво» в первый день проката. Где спорили до хрипоты о том, кто круче – Тарантино или Линч. Где жизнь была простой и понятной, даже когда казалась сложной.

Он вспомнил тот вечер. Они сидели в маленьком кафе на Сохо, пили дешёвый кофе и спорили. Луиза доказывала, что

«Твин Пикс» – это гениально, а он смеялся и говорил, что Линч просто издевается над зрителями. Она обиделась, но ненадолго – через пять минут уже смеялась над его шутками и показывала ему свои заметки к новому роману.

– Когда-нибудь я напишу книгу, которую будут экранизировать, – говорила она, и глаза её горели. – И ты будешь ходить в кино и говорить: «Я знал её, когда она ещё была никем».

Поезд рванул вперёд, плакаты остались позади. Реальность вернулась – новая, чужая, непонятная реальность 2005 года, где Луизы не было уже пятнадцать лет, где его друзья лежали в могилах, а он ехал в метро искать отель, которого больше не существовало.

На станции «Холборн» Ник вышел. Платформа встретила его гулким эхом шагов и запахом дешёвого кофе из автомата – того самого, который варил жидкую бурду за двадцать пенсов. Он поднялся по эскалатору, глядя на рекламные щиты, мимо которых проплывал: мобильные телефоны, новые фильмы, пластиковые карты, интернет-провайдеры. Слова, которые в его время были научной фантастикой, теперь были повседневностью.

На поверхности дождь не прекращался. Он встретил Ника всё той же мелкой моросью, которая, казалось, шла в Лондоне всегда – и пятнадцать лет назад, и сейчас, и будет идти ещё через пятнадцать лет. Ник поднял воротник куртки, нагнул кепку поглубже и направился к стоянке такси.

До окраины, где когда-то стоял «Амбер Отель», можно было доехать на автобусе. Но автобусы ходили редко, маршруты изменились, и Ник решил, что такси будет быстрее. У него не было времени на долгие пересадки и ожидания. Каждый час, каждая минута могли быть решающими.

Очередь к такси оказалась небольшой – всего несколько человек. Ник ждал, глядя, как капли дождя стекают по козырьку его кепки, и думал о том, что скажет водителю. Просто адрес. Просто название улицы. Никаких лишних объяснений.

– Куда, приятель? – спросил таксист, когда Ник наконец сел в машину. Это был мужчина средних лет, с акцентом кокни и вечной сигаретой в зубах, несмотря на запрет курить в машине. Типичный лондонский кэбмен – говорливый, себе на уме, знающий город как свои пять пальцев.

– Холлоуэй-роуд, – назвал Ник адрес из дневника. – Район старых новостроек. Там, где раньше был пустырь.

Таксист хмыкнул, тронул машину с места.

– Давно не был в Лондоне? – спросил он, глядя на Ника в зеркало заднего вида.

– Давно, – коротко ответил Ник, не желая вдаваться в подробности.

– Ну, многое изменилось, я тебе скажу, – таксист явно не собирался замолкать. – Вон, посмотри налево – видишь это стеклянное чудовище? Офисный центр «Бродгейт». А рань-

ше там был рынок. Старый, добрый, лондонский рынок, с мясными рядами, с бабками, торгующими зеленью, с зазывалами и ворами. Снесли, конечно. Всё снесли. Теперь там одни офисы. Да кому нужен рынок, когда есть супермаркеты?

Ник смотрел в окно. Город проплывал мимо, и он узнавал и не узнавал его одновременно. Те же улицы, те же повороты – но здания были другими. Новые, стеклянные, безликие небоскрёбы вырастали там, где раньше стояли старые викторианские дома с лепниной и чугунными оградами. Знакомые вывески исчезли, заменённые новыми, яркими, неоновыми.

Машин стало больше. Они стояли в пробках, гудели, раздражались, перестраивались из ряда в ряд. Дороги расширили, но пробки, кажется, стали только хуже. Люди на тротуарах двигались быстрее – все куда-то спешили, все говорили по телефонам, все смотрели под ноги или на экраны, но не друг на друга.

– Видишь вон то здание? – таксист кивнул в сторону огромного торгового центра. – Раньше там была фабрика. Ткацкая, кажется. Работали там в основном эмигранты – ирландцы, индусы, пакистанцы. Теперь – магазины. Всё течёт, всё меняется, как говорили древние греки.

Ник кивал, но не слушал. Он смотрел на дождь, стекающий по стеклу, искажающий очертания города, превращающий его в абстрактную картину из серых и чёрных пятен. В этом водяном мареве Лондон казался призрачным, нереальным, словно сон, от которого вот-вот проснёшься.

Но он не просыпался. Это была реальность. Жёсткая, холодная, мокрая реальность 2005 года.

Такси свернуло с главной дороги на узкую улочку, и вдруг мир изменился. Современные здания остались позади, словно отрезанные невидимой границей, и начались старые кварталы – те самые, что Ник помнил. Двух-трёхэтажные домики викторианской эпохи, с облупившейся штукатуркой, с маленькими палисадниками, с железными оградами, покрытыми ржавчиной, с покосившимися заборами и заколоченными окнами на верхних этажах.

Дорога стала хуже – асфальт сменился булыжником, и такси начало подпрыгивать на каждой кочке, на каждом стыке, на каждой выбоине. Машина жалобно скрипела, но таксист вёз дальше, ругаясь сквозь зубы.

– Дальше я не поеду, – сказал он наконец, останавливаясь у какого-то пустыря. – Дорога совсем разбита, да и район не самый лучший. Дальше пешком. Вон там, за поворотом, то место, которое вы ищете. Только смотреть там особо нечего, я вам сразу скажу. Пустырь да стройка.

Ник расплатился, вышел под дождь и огляделся.

Он стоял на окраине, там, где город постепенно переходил в то, что когда-то было пригородом. Вокруг было пустынно – только редкие прохожие, спешащие по своим делам, укрываясь зонтами и капюшонами, да старуха с маленькой собачкой, сидевшая на скамейке под навесом автобус-

ной остановки. Собака дрожала от холода, старуха куталась в старый клетчатый плед.

Ник подошёл к ней. Старуха подняла на него глаза – мутные, выцветшие, с бельмом на одном, но с искоркой понимания, которая не угасала даже в этом возрасте.

– Простите, – сказал Ник, стараясь говорить как можно вежливее. – Вы не знаете, где здесь был «Амбер Отель»? Старый такой отель, с парком?

Старуха смотрела на него долго, изучающе. Потом её лицо изменилось – словно она узнала что-то в его глазах, что-то, что заставило её ответить.

– Амбер? – переспросила она. Голос у неё был скрипучий, как старое дерево. – Давно это было. Очень давно. Снесли его. Лет десять назад, а может, и больше. Я уже и не помню точно. На его месте теперь дома построили. Вон там, за поворотом.

Она махнула рукой куда-то в сторону пустыря, за которым виднелись серые коробки новостроек, выстроившиеся ровными рядами, как солдаты на параде. Унылые, безликие, одинаковые.

– А что там было до того, как построили дома? – спросил Ник, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. – Сразу после сноса отеля?

– Пустырь, – старуха кивнула, и её седые волосы выбились из-под платка. – Долго пустырь был. Года три, наверное. Местные туда боялись ходить. Говорили, место плохое,

нехорошее. Детишки, правда, лазали, но их родители ругали. Страшные истории рассказывали про тот пустырь.

– Какие истории? – Ник присел на корточки рядом со скамейкой, чтобы быть на одном уровне с ней.

– Всякие, – старуха пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то – не страх, а скорее осторожность. – Что призраки там ходят по ночам. Что свет какой-то странный видят. Что зеркала в земле находят – старые, ещё из отеля. И в тех зеркалах будто бы лица видно. Мёртвые лица. Тех, кто в отеле погиб.

Ник почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил зеркало, которое видел в пустыре. Вспомнил тень за своей спиной.

– А потом пришли новые хозяева, – продолжала старуха. – Заплатили кому надо, наверное, и построили эти дома. С тех пор всё тихо. Никаких призраков. Только жильцы жалуются иногда, что стены тонкие, всё слышно.

– А вы сами... – Ник замялся, не зная, как сформулировать вопрос. – Вы сами видели что-нибудь странное? В те годы, когда отель ещё работал?

Старуха посмотрела на него с новым интересом. Потом перевела взгляд на собачку, которая свернулась клубочком у неё на коленях.

– Я там работала, – сказала она тихо. – Давно. Ещё в восьмидесятых. Горничной. Недолго, всего несколько месяцев.

Потом уволилась. Не смогла больше.

– Почему? – выдохнул Ник.

Старуха молчала долго. Так долго, что Ник уже решил, что она не ответит. Потом она заговорила – тихо, медленно, словно вытаскивая слова из самой глубины памяти.

– Зеркала, – сказала она. – Зеркала там были странные. Я убирала номера, протирала пыль, мыла окна. А зеркала... я старалась в них не смотреть. Потому что они показывали не то, что нужно. Я видела там людей, которых в комнате не было. Женщину в белом. Ребёнка, играющего в углу. Мужчину в старомодном костюме. Они смотрели на меня и улыбались. А потом исчезали.

Она замолчала, поглаживая собачку дрожащей рукой.

– Один раз я не выдержала, – продолжила она ещё тише. – Посмотрела прямо в зеркало. В то, большое, в холле. И увидела там себя. Только старую. Совсем старую, сгорбленную, в инвалидном кресле. Она смотрела на меня и плакала. Я закричала, выбежала на улицу и больше не вернулась. На следующий день написала заявление об уходе.

Ник слушал, затаив дыхание. Слова старухи в точности повторяли то, что он читал в дневнике Кэтрин. Зеркала, показывающие не тех, кто в них смотрится. Люди, запертые в отражениях.

– А хозяин? – спросил он. – Константин Михайлович? Вы его видели?

При этом имени старуха вздрогнула. Её лицо, и без того

бледное, стало совсем серым.

– Видела, – прошептала она. – Несколько раз. Красивый, очень красивый. Но глаза... пустые. Совсем пустые. Как у мертвеца. Я когда смотрела в них, мне казалось, что я в пропасть падаю. В бездонную пропасть. Он говорил со мной один раз. Спросил, как мне работается, нравится ли в отеле. Я не могла ответить. Слова застревали в горле. Он улыбнулся и сказал: «Не бойся. Ты здесь только гостя. Ненадолго». Я тогда не поняла. А теперь понимаю. Он знал, что я уйду. Знал, что не выдержу.

Она замолчала и уставилась куда-то в сторону, на пустырь, на серые дома, на мокрые крыши.

– Спасибо вам, – сказал Ник, поднимаясь. Затекшие ноги противно заныли. – Вы очень помогли.

– Не за что, – старуха не смотрела на него. – Только осторожнее там. Место плохое. Даже теперь, когда отеля нет, место всё равно плохое. Такое не исчезает. Остаётся в земле, в воздухе. Чувствуется.

Ник кивнул и пошёл в сторону, указанную старухой. За поворотом открылся вид на пустырь – тот самый, о котором она говорила. И на дома за ним – унылые серые коробки, выстроившиеся ровными рядами.

Глава 4

Отель вне времени

Он увидел его сразу за поворотом, стоило только обогнуть покосившийся забор, огораживающий пустырь.

«Амбер Отель» стоял, будто насмехаясь над временем и пространством. Тяжёлая громада из тёмно-красного кирпича застыла среди серых новостроек, как мираж, как ошибка реальности, как здание, которое забыли снести, потому что его просто перестали замечать. Оно не вписывалось в аккуратные ряды современных домов с их пластиковыми окнами и спутниковыми тарелками. Оно было чужеродным, древним, неправильным. Туман стелился у его подножия гуще, чем где-либо, лип к стенам, обвивал остроконечные башенки, пытаясь укрыть отель от чужих глаз, спрятать его, сделать невидимым.

Ник остановился в нескольких метрах от входа, не в силах сделать шаг. Именно таким его описывала Кэтрин в дневнике – мрачным, давящим, живым. Именно сюда Луиза приехала за вдохновением в 1990 году. И именно здесь, по словам старухи на остановке, по словам старика-садовника, по словам всех, кто хоть что-то знал, она исчезла. Растворилась в этих стенах, как сотни других до неё.

Он перешагнул через лужу и медленно пошёл к парадному входу. Гравий хрустел под ногами с пугающей громкостью. Каждый шаг отдавался эхом в мёртвой тишине, нарушаемой только редкими криками птиц где-то далеко за пустырьём. Массивная дубовая дверь с потемневшей медной ручкой была приоткрыта – ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. Приглашение или ловушка? Ник толкнул её – она поддалась с протяжным стоном петель, которые не смазывали, казалось, десятилетиями.

Внутри было темно. Свет проникал только через грязные, затянутые паутиной витражи, отбрасывая на пол и стены мутные, болезненно-цветные пятна – синие, красные, жёлтые. В этих пятнах кружилась пыль, поднятая его вторжением, медленно оседая обратно на вековые поверхности. Пахло сыростью, мышинным помётом, старой бумагой, гниющим деревом и чем-то ещё, неуловимо сладковатым, приторным – запахом, который Ник не мог определить, но от которого по спине побежали мурашки.

И тут он увидел их.

Зеркала.

Они были повсюду.

В тяжёлых позолоченных рамах, местами облупившихся, с потускневшей амальгамой. В простых деревянных, почерневших от времени, с трещинами, паутиной расходящимися от углов. Овальные, прямоугольные, круглые, в полный рост,

маленькие, почти карманные, вделанные в стенные ниши. Они висели на стенах вестибюля, стояли на мраморных консолях, отражали друг друга и создавали бесконечную, уходящую в никуда галерею коридоров и залов, которых на самом деле не существовало.

Ник медленно поворачивался, рассматривая это безумное собрание. В каждом зеркале был свой мир. В одном – комната с камином, в котором, казалось, горел огонь. В другом – библиотека с высокими стеллажами, уходящими под потолок. В третьем – лестница, ведущая куда-то вверх, в темноту, которой не было в реальном вестибюле.

Огромное трюмо в центре привлекло его внимание. Рама его была особенно богатой – резные листья, виноградные гроздья, какие-то мифологические существа, сплетённый в замысловатый узор. Стекло было мутным, с тёмными пятнами по краям. Ник подошёл ближе, вглядываясь в своё отражение. Оно было размытым, колеблющимся, словно он стоял под водой, словно между ним и стеклом была невидимая плёнка, искажающая реальность. Черты лица плыли, глаза казались чужими, пустыми.

А потом он увидел это.

За его спиной, в глубине зеркала, стояла фигура. Чёткий человеческий силуэт. Женский. В длинном платье, с распущенными волосами. Она не двигалась. Просто стояла и смотрела на него из того мира, по ту сторону стекла.

Ник резко обернулся, сжимая кулаки, готовый к драке, к

бегству, к чему угодно.

Никого.

Пустой вестибюль, мутные пятна цветного света на полу, танцующие пылинки в воздухе. И тишина. Такая плотная, что звон в ушах казался оглушительным.

Он снова повернулся к зеркалу. Фигуры не было. Только его собственное искажённое лицо и бесконечные отражения отражений за спиной.

– Не стоит здесь задерживаться, молодой человек, – раздался голос прямо за его спиной.

Ник вздрогнул так сильно, что едва не потерял равновесие. Сердце подпрыгнуло к горлу и заколотилось с бешеной скоростью. Он обернулся.

Рядом с ним стоял человек. Пожилой, очень пожилой, сгорбленный так, что его спина, казалось, образовывала прямой угол. На нём был старый, засаленный пиджак, надетый поверх больничной пижамы в синюю полоску. Ноги обуты в разношенные тапки с протёртыми задниками. Лицо его было изрезано морщинами, глубокими, как русла высохших рек, кожа имела нездоровый землистый оттенок, а глаза – мутные, с бельмом на одном – смотрели на Ника с болезненной, пугающей осмысленностью. В руке он держал старый керосиновый фонарь со следами копоти на стекле, хотя в вестибюле и без того было достаточно сумрачно для того, кто привык к темноте.

– Я... я ищу кое-кого, – выдавил Ник, сглатывая ком в горле. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

– Все здесь кого-то ищут, – старик хрипло усмехнулся, обнажив беззубые дёсны. – Или что-то. А находят только то, что отель позволяет найти. Он здесь хозяин. Я при нём сторожем работаю. Точнее, живу. Последний жилец, так сказать.

– Как вы здесь живёте? – Ник обвёл рукой запустение. – Здание же заброшено, здесь нет ни света, ни воды, ни отопления...

– Заброшено для других, – старик поднял фонарь, освещая пыльные хрустальные подвески на огромной люстре под потолком. Они тускло блеснули, рассыпав по стенам рой призрачных зайчиков, которые заплясали по зеркалам, создавая иллюзию движения, жизни. – А для тех, кто понял, кто принял правила игры, оно всегда открыто. И свет есть. И тепло. И еда. Только оставаться дольше одной ночи я не советую. Никому не советую. Здесь время течёт иначе. То, что снаружи кажется часом, внутри может оказаться годом. И наоборот. А вы, я вижу, надолго?

– Мне нужно найти одну комнату, – Ник полез во внутренний карман куртки, где под подкладкой, прижатый к самому сердцу, лежал дневник Кэтрин Браун. Он бережно достал его, раскрыл на странице с планом, которую изучил уже до дыр, и указал на крестик, нарисованный карандашом дрожащей рукой. – Номер 217. Он должен быть здесь. На тре-

тьем этаже, в конце западного крыла.

При упоминании номера старик вздрогнул так, будто Ник ударил его. Его лицо, и без того бледное, приобрело землистый, трупный оттенок. Фонарь в его руке дрогнул, тени заметались по стенам, по зеркалам, по лицу самого старика, превращая его в жуткую, пульсирующую маску.

– Семь-на-дцать, – протянул он, и в его голосе появился страх. Самый настоящий, животный страх, от которого кровь стынет в жилах. – Все ищут эту комнату. Те, кто читал дневники, те, кто видел планы, те, кого привела сюда судьба или глупость. А её нет.

– Как нет? – Ник сжал дневник так, что побелели костяшки пальцев. – Она есть на плане. Я вижу её своими глазами. Вот здесь, – он ткнул пальцем в пожелтевшую бумагу. – Чётко обозначена.

– На плане, может, и есть, – старик покачал головой, и этот жест был полон безнадёжности. – А в реале – нет. Исчезла. Давно, ещё до того, как отель официально закрыли в девяносто пятом. Говорят, тот, кто строил, хозяин здешний, Константин Михайлович, велел замуровать её вместе со всем, что там было. Или с тем, кто там был.

Ник похолодел. Луиза.

– Замуровать? – переспросил он, не веря своим ушам. – Как это – замуровать? Людей?

– А вы думали, он шутит? – старик горько усмехнулся. –

Он никогда не шутит. Он коллекционер. А коллекционеры не выбрасывают свои экспонаты. Они их хранят. В специальных условиях. В специальных комнатах. Ходят слухи, что комната эта не исчезла, а просто... сместилась. Что вход в неё есть, но не с этого этажа, не с этого коридора, не из этого времени. И показывается она только тем, кому нужно. Или тем, кого отель сам выбирает. Или тем, кого уже не спасти.

Ник почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с сыростью и промозглостью этого места. Слова старика странным образом перекликались с тем, что он читал в дневнике. Кэтрин писала о зеркалах-дверях, о запертых душах, о том, что Константин хранит свои «экспонаты» в отражениях. Может быть, комната 217 – это и есть то самое место? Место, где стёрта грань между реальностью и зазеркальем?

– Где она была раньше? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. – До того, как её замуровали?

– На втором этаже. В самом конце западного крыла, – старик махнул рукой в сторону широкой лестницы с резными дубовыми перилами, ведущей наверх. – Только сейчас туда не пройти. Лет десять назад, когда отель уже стоял пустой, часть перекрытий рухнула. Будто само здание решило скрыть тайну. Коридор завалило камнями и гнилыми балками. Местные мальчишки пытались лазить, искали сокровища, да только ничего не нашли, кроме пыли да старых газет.

А один, говорят, пропал. Так и не нашли. Может, врут, конечно. А может, и нет.

– А вы? – Ник пристально посмотрел на старика, пытаясь разглядеть в его мутных глазах хоть искру правды. – Вы давно здесь? Вы помните тот день, когда комната исчезла? Когда пропали люди?

– Давно, – старик усмехнулся, и в этой усмешке была вековая усталость. – Очень давно. Ещё до того, как он стал «Амбером». Ещё когда это был просто частный дом богатого семейства, разорившегося в войну. Я садовником у прежних хозяев работал. Молодым был, зелёным. Потом, когда всё изменилось, когда пришёл ОН и выкупил это место, меня оставили. За ненадобностью, но оставили. Сказали: «Живи, смотри, помалкивай. Место нужно присматривать». Я и живу. И смотрю. И молчу. Уже шестьдесят лет.

Он замолчал, уставившись куда-то в сторону, в бесконечные отражения зеркал, где, казалось, всё ещё мелькали тени прошлого. Потом перевёл взгляд на Ника, и в его мутных глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Я видел её, – сказал он тихо. – Ту, кого вы ищете.

Ник замер. Сердце пропустило удар.

– Видели? – выдохнул он, боясь поверить. – Когда? Где?

– Много лет назад. В самом начале девяностых, когда отель ещё работал, но уже чувствовалось, что дело идёт к концу. Она спускалась по лестнице. Вот по этой самой, –

старик указал на широкие ступени, ведущие на второй этаж. – Бледная, худая, глаза огромные, как у затравленного зверя. Волосы длинные, тёмные, растрёпанные. Платье на ней было какое-то странное, не по моде тех лет – длинное, тёмное, с высоким воротником, будто из другого века. Она шла медленно, держась за перила, словно каждый шаг давался ей с трудом. Я окликнул её, спросил, не нужно ли чего, не заблудилась ли она. Она остановилась, обернулась и... улыбнулась.

– Улыбнулась? – эхом повторил Ник.

– Да. Только улыбка у неё была нехорошая. Чужая. Будто не она улыбается, а кто-то другой её лицом. Будто маску надели, а под маской – пустота. И сказала она мне голосом, в котором не было жизни: «Мне ничего не нужно. У меня есть всё. У меня есть вечность. У меня есть он». И пошла дальше. В ту сторону, – старик махнул рукой в темноту коридора, ведущего в глубь здания, туда, где, по словам Кэтрин, находилась комната 217.

– Когда это было? – выдохнул Ник, чувствуя, как внутри закипает отчаянная надежда. Если Луиза была жива в начале девяностых, значит, есть шанс, что она жива и сейчас. Что он не опоздал на пятнадцать лет.

– Давно, – старик пожал плечами. – Время здесь плохо чувствуется. Может, год назад. Может, десять. Может, вчера. Я же говорю – в отеле время течёт иначе. Особенно для тех, кто... остаётся. Для тех, кого он забрал.

– Она была одна? – Ник шагнул к старику, почти нависая над ним. – Вы не видели с ней никого? Мужчину? Высокого, с седыми висками, с пустыми глазами?

– Хозяина? – старик криво усмехнулся. – Хозяина я не видел в тот день. Он редко показывается, когда в отеле гости. У него свои дела, свои комнаты, свои зеркала. Но я чувствовал его. Он всегда рядом, даже когда его нет. Воздух становится другим – тяжёлым, холодным. И зеркала начинают жить своей жизнью.

Он замолчал и, тяжело ступая, опираясь свободной рукой о стену, направился к лестнице, ведущей в подвал. У первой ступеньки обернулся, и свет его фонаря упал на лицо Ника, выхватив из темноты его бледные щёки, лихорадочно блестящие глаза.

– Уходите, молодой человек. Пока не стемнело. Ночью здесь начинается жизнь. Та, что вам не понравится. Та, от которой можно не проснуться. Или проснуться уже не здесь, а там, – он кивнул в сторону зеркал. – И запомните: комнаты 217 не существует. Ищите что-то другое. Или не ищите ничего. Так безопаснее. Для вас. Для неё. Для всех.

Он исчез в темноте подвала, и через мгновение свет его фонаря погас, будто его поглотила бездна. Остался только запах сырости, пыли и той сладковатой, приторной смерти, которая, казалось, пропитала каждый кирпич этого проклятого места.

Ник постоял минуту, собираясь с мыслями. Потом, повинаясь какому-то внутреннему импульсу, более сильному, чем страх, решительно направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Если комната 217 существовала когда-то, он должен был увидеть место, где она находилась. Должен был попытаться найти хоть какой-то след. Хоть какую-то зацепку.

Ступени лестницы скрипели и стонали под его ногами, и каждый звук гулким, многократным эхом разносился по пустому зданию, отражаясь от стен, от потолка, от бесчисленных зеркал. Ему казалось, что отель дышит, что он прислушивается к его шагам, что он ждёт, что он готовится.

На втором этаже коридор был завален обломками штукатурки, кусками досок, ржавой арматурой и какими-то тряпками, превратившимися в труху. Часть потолка действительно обрушилась, открывая взгляду чёрные, зияющие провалы чердачных перекрытий, откуда тянуло холодом и запахом плесени, более сильным, чем внизу. Влажный, тяжёлый воздух здесь, казалось, можно было резать ножом. От него кружилась голова и подкатывала тошнота.

Ник осторожно пробирался вдоль стены, перешагивая через обломки, придерживаясь за шершавую поверхность, покрытую пятнами сырости и какими-то чёрными, похожими на плесень, разводами. Он сверялся с планом в дневнике, водя пальцем по пожелтевшей бумаге.

Номера на дверях давно стёрлись, краска облупилась, многие двери были сорваны с петель или заколочены крест-накрест досками, почерневшими от времени. В некоторых проёмах зияла пустота – дверь просто исчезла, оставив после себя только прямоугольник тьмы.

Он насчитал 205, 207, 209... Дальше нумерация сбивалась окончательно. В одном месте дверь была, но перед ней высилась гора мусора, перегораживающая проход полностью. Пришлось обходить через какую-то подсобку, заваленную старыми матрасами и ржавыми вёдрами.

Он уже хотел повернуть назад, решив, что старик прав и пройти дальше невозможно, когда краем глаза заметил нечто странное.

В самом конце коридора, там, где, согласно плану, и должна была находиться комната 217, обломки лежали как-то иначе. Они не перегораживали проход хаотичной грудой, а словно *обрамляли* его, создавая подобие арки, ведущей в никуда. Крупные куски штукатурки и балки были аккуратно, почти ритуально сложены по бокам, освобождая узкий проход.

А за аркой было пустое пространство.

Не стена. Не дверь. Не комната. А просто пустота. Чёрная, непроницаемая, густая, как смола. Она не отражала свет, не отбрасывала тени. Она просто была – провал в реальности, дыра в ткани мироздания.

Ник сделал шаг в ту сторону. Сердце колотилось так, что,

казалось, его слышно во всём отеле, во всех его бесчисленных комнатах, во всех его зеркальных коридорах. Он протянул руку, пытаясь нащупать преграду, стену, хоть что-то, что отделяло бы этот мир от того, чёрного.

Пальцы встретили пустоту. И холод.

Не тот холод, что бывает в сырых подвалах или на зимнем ветру. Другой. Глубинный, космический, пробирающий не до костей, а до самой души. Холод, от которого замерзают мысли и останавливается время.

Из этой черноты донёсся звук.

Тихий, едва уловимый, но отчётливый в мёртвой тишине пустого отеля. Сначала Ник подумал, что ему показалось, что это играет переутомлённое воображение. Но звук повторился. И ещё раз.

Шелест бумаги. Страниц, переворачиваемых невидимой рукой.

Или плач. Тонкий, высокий, похожий на звук, который издают ветки, царапающие стекло во время бури. Только здесь не было веток. И стёкол тоже не было – только пустота.

Или тихий, сдавленный смех. Тот самый, о котором писала Кэтрин. Тот, от которого у неё стыла кровь в жилах. Смех, в котором не было радости, только бесконечная, извращённая насмешка над всем человеческим, над самой жизнью.

– Луиза? – позвал Ник, и его голос провалился в эту черноту, не встретив эха, не отразившись от стен. Просто исчез,

растворился, будто его и не было.

Ответа не было. Только тишина, плотная, как вата, закладывающая уши. И чувство, что из темноты на него смотрят. Много пар глаз. Много душ, запертых в этом не-месте, в этой не-комнате.

Ник отшатнулся. Ноги подкосились, он едва не упал, схватившись за какой-то торчащий из стены ржавый крюк. Рукав куртки за что-то зацепился и с противным треском порвался. Но он не чувствовал боли, не замечал холода. Только этот первобытный, животный ужас, который парализует волю и заставляет бежать, не разбирая дороги.

Он не был трусом. Он провёл пятнадцать лет в тюрьме, где каждый день был борьбой за выживание. Он видел смерть, видел отчаяние, видел насилие во всех его проявлениях. Он выдержал допросы, издевательства сокамерников, предательство тех, кого считал друзьями. Но этот чёрный провал, это место, где когда-то была комната 217, вызывало в нём ужас, не поддающийся рациональному объяснению. Ужас перед неизведанным, перед тем, что не должно существовать, перед тем, что находится за гранью человеческого понимания.

Он развернулся и, не оглядываясь, почти побежал обратно по коридору, перепрыгивая через обломки, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова бежа. Цеплялся руками за стены, сдирая кожу в кровь. Слышал собственное дыхание, вырывающееся из груди со свистом и хрипом.

Лестница. Ступени, которые, казалось, пытались ухватить его за ноги, задержать, не пустить. Вестибюль с его бесконечными зеркалами, в которых мелькали тени, не принадлежащие этому миру. Входная дверь, которая, показалось, стала тяжелее, будто кто-то держал её с той стороны.

Ник вывалился на улицу, споткнулся о порог и упал на колени прямо в грязь, в лужу, в которой отражалось серое, равнодушное небо.

Холодный, мокрый воздух ударил в лицо, в лёгкие, отрезвляя, возвращая к реальности. Дождь хлестал по щекам, смешиваясь с выступившим на лбу холодным потом, с кровью из разбитой губы. Ник стоял на четвереньках, согнувшись, тяжело дыша, и смотрел, как капли дождя падают в лужу, разбивая отражение отеля на тысячи мелких осколков.

Перед глазами всё ещё стояла эта чернота. В ушах всё ещё звучал этот смех. По коже всё ещё бежали мурашки от того холода, который он ощутил там, на границе двух миров.

Он обернулся на отель.

Тот стоял на прежнем месте – мрачный, застывший, равнодушный к его страху, к его боли, к его надежде. В одном из окон второго этажа, в том самом конце коридора, где он только что видел чёрный провал, на мгновение зажёгся и погас слабый, желтоватый огонёк. Словно кто-то прошёл со свечой. Или фонарём. Или просто призрак напомнил о своём

существовании.

Ник поднялся на ноги, шатаясь, чувствуя, как дрожат колени и руки. Грязь противно чавкала под подошвами. Он вытер лицо рукавом, размазывая кровь и грязь, и глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь.

Руки дрожали, но в голове, сквозь туман ужаса, сквозь ад-ренилиновую бурю, прорезалась ясная, холодная, кристально чистая мысль: Луиза там. За этой чернотой. В этой не-комнате. Живая или мёртвая – она там. И старик был прав – комната 217 действительно существует. Только вход в неё открывается не всем и не всегда. И не через дверь.

Он достал дневник из внутреннего кармана, дрожащими пальцами нашёл последнюю запись Кэтрин, ту, что была сделана за день до её загадочной смерти. Бумага была влажной от дождя, чернила расплывались, но строки, которые он уже знал наизусть, читались отчётливо:

«Он хранит их там – всех, кого забрал. В зеркалах. Я ви-дела их. Они стоят там, за стеклом, и смотрят. Ждут. Надеются. Молчат. И единственный способ победить его – найти главное зеркало. То, которое не отражает, а заби-рает. То, которое является дверью. Оно где-то в отеле. В комнате без номера. Там, где всё началось. Там, где конча-ется реальность и начинается зазеркалье».

Ник посмотрел на отель. На его тёмные, слепые окна. На тусклые отблески уходящего дня в витражах вестибюля. На бесконечные отражения, которые, казалось, мерцали в глу-

бине каждого стекла.

Луиза была там. По ту сторону зеркала.

И он знал, у кого спросить, как пройти через него. Как войти в комнату, которой не существует, и выйти оттуда с ней.

Элизабет Стерлинг.

Бывшая хозяйка отеля. Женщина с ледяными глазами, которая выдала Луизе ключ от номера 217 в 1990 году. Которая, по словам Люси Фурнье, знала всё, но боялась сказать. Которая, если верить слухам, доживала свои дни где-то в Лондоне, в полном забвении, забытая всеми, кроме своей совести.

Он должен был найти её. Должен был заставить её говорить. Должен был узнать, где находится главное зеркало Константина и как войти в него, чтобы вернуть Луизу.

Ник спрятал дневник, поправил порванный рукав и, не оглядываясь больше, пошёл прочь от «Амбер Отеля». К машине. К городу. К новому плану. К новой надежде.

Он не знал, жива ли Элизабет. Не знал, захочет ли она говорить. Не знал, успеет ли он, пока Константин не почувствовал угрозу и не спрятал свои «экспонаты» ещё глубже.

Но он знал одно: он вернётся. Вернётся в это проклятое место, к этому чёрному провалу, к этому зеркальному лабиринту. И вытащит Луизу, чего бы это ни стоило. Даже если придётся разбить все зеркала в этом доме. Даже если при-

дётся самому войти в зазеркалье и остаться там навсегда.

За его спиной «Амбер Отель» молчал, укутанный туманом. Ждал. Терпеливо, как умеют ждать только старые дома с тёмной историей.

В одном из окон второго этажа снова мелькнул свет. И погас.

Глава 5

Предупреждение

Отель остался позади, но Ник не мог избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. Даже когда машина выехала на шоссе, даже когда в зеркале заднего вида исчезли последние очертания пустыря, чувство чужого взгляда не отпускало. Оно въелось в кожу, засело в затылке, пульсировало где-то между позвонков, отдаваясь глухой, ноющей болью в основании черепа. Каждые несколько секунд он непроизвольно скидывал глаза к зеркалу заднего вида, ожидая увидеть там чью-то фигуру, чьи-то глаза, чью-то улыбку. Но за стеклом были только мокрые дороги, серое небо и бесконечный поток машин, спешащих по своим делам в этот промозглый лондонский вечер.

Таксист – новый, не тот, что вёз его утром, – поглядывал в зеркало с беспокойством, но вопросов не задавал. Это был мужчина лет пятидесяти, с усталым лицом и глубокими морщинами вокруг глаз, какие бывают у людей, которые слишком много времени проводят за рулём. Его руки лежали на руле спокойно, уверенно, но Ник заметил, как он несколько раз сжал пальцы, когда пассажир резко обернулся, чтобы посмотреть на что-то за окном. Радио играло тихо, какой-то

бесконечный разговор о погоде и пробках, ведущие обсуждали циклоны и атмосферные фронты, и их голоса казались Нику неестественно бодрыми, почти издевательскими в своей обыденности. Обычный Лондон. Обычный день. Только для Ника он перестал быть обычным с того момента, как он переступил порог «Амбер Отеля».

Всю обратную дорогу он молчал, вжавшись в сиденье, сжимая в кармане куртки дневник Кэтрин. Пальцы то и дело нащупывали шершавую обложку, поглаживали потёртые углы, проверяли, на месте ли закладка со страницей плана. Это движение стало для него почти ритуальным – касаться дневника, убеждаться, что он не исчез, не растворился в воздухе, как та комната в конце коридора. В голове роились обрывки мыслей, кусочки фраз, отрывки увиденного и услышанного. Чёрный провал на месте комнаты 217. Свет в окне, зажегшийся и погасший. Голос старика-садовника, сказавший: «Она улыбнулась чужой улыбкой». Он прокручивал эти образы снова и снова, пытаясь вычленил из них хоть какую-то зацепку, хоть какую-то деталь, которая могла бы подсказать следующий шаг.

Вернувшись в свою съёмную комнату в Кентиш-Тауне, Ник первым делом запер дверь на все замки. Их было два – старый, ещё викторианских времён, с массивной латунной защёлкой, и новый, поставленный уже в этом веке, хромированный, блестящий, чужеродный среди облупившейся краски и потрескавшейся штукатурки. Он провернул оба ключа,

накинул цепочку – тонкую, ненадёжную, но всё же какую-никакую преграду – и только тогда позволил себе выдохнуть.

Комната была тесной, с низким потолком и единственным окном, выходящим на кирпичную стену соседнего дома. Обои, покрытые пятнами сырости, местами отставали от стен, обнажая старую штукатурку с едва различимыми газетными строчками, наклеенными, наверное, ещё в шестидесятых. Мебель была скудной – узкая кровать, застеленная серым казённым одеялом, платяной шкаф с покосившейся дверцей, письменный стол, на котором стоял старый телевизор с кинескопом и выпуклым, мутноватым экраном. В углу примостилась тумбочка с керамической раковиной и мутным зеркальцем над ней. В этом зеркальце Ник мельком увидел своё отражение – бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, с губами, потрескавшимися от напряжения и сухости.

Он подошёл к столу, достал из внутреннего кармана дневник, бережно, как святыню, положил его на выцветшую клеёноччатую скатерть. Раскрыл на странице с планом, взгляделся в крестик, нарисованный карандашом дрожащей рукой Кэтрин. 217. Комната, которой не существует. Место, где, по словам старухи на остановке, по словам старика-садовника, по словам Элизабет Стерлинг, Константин замуровал свою самую ценную коллекцию. Или то, что от неё осталось.

Потом достал видеокассету. Ту самую, что дала Марга-

рет в букинистическом магазине на Черинг-Кросс. С надписью «Луизе» на потёртом, выцветшем футляре. Футляр был пластиковым, с трещиной на углу, и Ник провёл пальцем по этой трещине, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Сколько лет эта кассета пролежала в ящике стола у Маргарет? Пятнадцать? Двадцать? Сколько раз Маргарет брала её в руки, разглядывала надпись, но так и не решилась вставить в видеомагнитофон, не решилась узнать, что сказала её погибшая подруга той, кого уже не было?

Он подошёл к телевизору, стоящему в углу на низкой тумбе из ДСП с облупившимися краями. Телевизор был старым, ещё с кинескопом, с выпуклым экраном и выдвижными ручками настройки, покрытыми слоем пыли. Таким же, наверное, пользовалась его бабушка, чтобы смотреть новости о войне в Фолклендах. Ник вставил кассету в приёмник – механизм зажужжал, заскрежетал, застонал, словно просыпаясь после долгого, очень долгого сна. Нажал кнопку воспроизведения.

Экран зашипел. Сначала ничего не было – только серая, мерцающая пелена, белые полосы, бегущие сверху вниз, и тот самый шипящий, трескучий звук, который Ник не слышал с тех пор, как в последний раз смотрел видео в их старой квартире на Хайгейт-роуд. Плёнка была старой, записанной, видимо, на самое дешёвое оборудование, может быть, даже на бытовую камеру, которую можно было купить в любом универмаге в конце восьмидесятых. Ник прибавил

громкость, пытаюсь разобрать хоть что-то сквозь шипение и треск.

Появилось изображение. Нечёткое, дрожащее, с полосами помех, но разобрать можно было.

Луиза.

Молодая, какой он её помнил. Лет двадцати пяти, с длинными тёмными волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, с большими, чуть удивлёнными глазами, которые смотрели прямо в объектив с той особенной, немного испуганной решимостью, которая была ей так свойственна. Она сидела в кресле – Ник узнал его, это было то самое кресло из её квартиры на Хайгейт-роуд, старый, продавленный, обитый тканью цвета выцветшей розы, в котором она любила сидеть по вечерам с книгой или блокнотом. В руках она держала книгу – он не мог разобрать название, плёнка была слишком старой. Она смотрела прямо в объектив, улыбалась. Живая. Настоящая. Не призрак из зазеркалья.

– Луиза Браун, – сказала она, и голос её звучал ровно, спокойно, без тех эмоций, которые обычно сопровождают признания или прощания. Будто она читала с листа, будто репетировала речь, которую должна была произнести много раз. – Если вы это смотрите, значит, меня уже нет. Или я там, откуда не возвращаются. Не ищите меня. Не пытайтесь меня спасти. Я сделала свой выбор. Я заплатила свою цену. Не платите свою.

Запись прервалась. Экран снова зашипел. Белые полосы побежали вверх, вниз, смешиваясь в хаотичный узор, который, казалось, складывался в какие-то смутные, неуловимые очертания – лица? здания? цифры 217? – и тут же рассыпался.

Ник сидел, не в силах пошевелиться. Руки, лежащие на коленях, дрожали. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая шипение телевизора. Перед глазами всё ещё стояло её лицо – живое, настоящее, улыбающееся. Она была здесь. В этой комнате. В этом кресле. Говорила эти слова. И он смотрит на неё спустя пятнадцать лет, и ничего не может изменить, ничего не может сказать в ответ.

Изображение вернулось. Та же комната, но свет другой – вечерний, сумеречный, с длинными тенями, падающими от мебели на пол. Лампы на столе, кажется, не горели, и единственным источником света было окно, за которым угадывался серый, дождливый лондонский вечер. Луиза сидела в том же кресле, но выглядела иначе. Бледнее. Старше. Под глазами залегли тени, такие глубокие, что казались синяками. Губы потрескались, волосы растрёпаны, на плечи накинут старый, выцветший плед – тот самый, в который она укуталась по вечерам, когда работа над книгой затягивалась далеко за полночь. В руках – не книга, а блокнот, тот самый, в котором она делала заметки для романов, тот самый, который он видел у него сотни раз. Она нервно листала его, переворачивая страницы, и листы шуршали в тишине комна-

ты, создавая тот самый звук, который Ник слышал в чёрном провале на месте комнаты 217.

– Я знаю, что он делает, – сказала она, и голос её дрожал, срывался, будто каждое слово давалось с трудом. – Он собирает нас. Как марки. Как монеты. Как бабочек под стеклом. Мы пишем ему книги. Мы создаём для него миры. А когда талант иссякает, когда мы становимся пустыми, когда внутри не остаётся ничего, кроме страха и отчаяния... он забирает нас. Не тела. Души. Мы остаёмся там. В зеркалах. В комнате 217. Вместе с теми, кто был до нас. И теми, кто будет после. Мы смотрим на мир из-за стекла и ждём. Ждём, когда кто-то придёт и освободит нас. Но никто не приходит. Никто не может прийти. Потому что, чтобы войти туда, нужно стать таким же, как он.

Запись оборвалась. Опять шипение. Опять белые полосы. Изображение плыло, искажалось, превращалось в кашу из пикселей и звуковых помех, сквозь которые пробивались обрывки слов, неразборчивые, как язык сновидений.

Ник вскочил, подбежал к телевизору, принялся крутить ручки настройки, пытаясь поймать сигнал, удержать изображение, не дать ему исчезнуть. Пальцы скользили по гладкому пластику, нащупывали знакомые выступы, поворачивали, крутили, пытались нащупать ту самую точку, где картинка становится чёткой. Бесплезно. Плёнка была повреждена – может быть, временем, может быть, неправильным хра-

нением, может быть, тем, кто не хотел, чтобы эти слова были услышаны. Экран снова зашипел, пошли полосы, а потом изображение пропало совсем, оставив только серую, мерцающую пустоту и тот самый шипящий, трескучий звук, который, казалось, Ник будет слышать всю оставшуюся жизнь.

Он выключил телевизор и долго сидел в тишине, глядя на чёрный, безжизненный экран. В комнате было темно – сумерки сгустились, превратившись в ночь, и только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в шторе, ложась на пол узкой, дрожащей полоской. Ник смотрел в эту полоску, на пылинки, танцующие в ней, и думал о том, что Луиза знала. Знала, что с ней сделают. Знала, что она станет частью коллекции. Знала, что будет смотреть на мир из-за стекла, из того самого чёрного провала, который он видел сегодня. И всё равно пошла. Или её заставили? Или у неё не было выбора? Или она думала, что сможет победить, что сможет вырваться, что сможет спасти тех, кто был до неё? Как и он сейчас.

Он лёг, не раздеваясь, накрылся тем самым старым, колючим одеялом, которое пахло пылью и чем-то ещё – может быть, дешёвым стиральным порошком, может быть, чужими жизнями, которые жили в этой комнате до него. Закрыв глаза, но сон не шёл. Перед глазами всё ещё стояло её лицо – живое, улыбающееся на первой записи и бледное, испуганное на второй. Голос, говорящий: «Не ищите меня». И другой голос, шепчущий: «Ждём, когда кто-то придёт». Они

противоречили друг другу, и он не знал, какому из них верить. Или верить обоим.

Ночь тянулась бесконечно. Каждый скрип старого дома, каждый шорох за стеной, каждый удар капель дождя по подоконнику заставлял его вздрагивать и вглядываться в темноту, ожидая увидеть там что-то, что не должно существовать в реальном мире. Несколько раз ему казалось, что кто-то ходит по коридору – медленные, тяжёлые шаги, которые замирали прямо у его двери, а потом шли дальше, в никуда, растворяясь в тишине. Он вставал, подходил к двери, прижимался ухом к холодному дереву, но слышал только собственное сердцебиение и редкие, далёкие звуки ночного Лондона.

Под утро он забылся тяжёлым, липким сном, полным обрывков кошмаров. Ему снился отель, зеркала, бесконечные коридоры из отражений, в которых он бродил, ища выход, и всё время натыкался на дверь с цифрой 217, которая открывалась в пустоту. Ему снилась Луиза, стоящая по ту сторону стекла и смотрящая на него пустыми, чужими глазами. Ему снилась женщина в белом платье, которая шла по коридору и улыбалась его улыбкой.

Проснулся он от резкого, пронзительного звука. Сначала не понял, что это, – несколько секунд лежал, вглядываясь в серый потолок, пытаясь отделить реальность от остатков кошмара. Потом узнал. Телефон. Стационарный, тот, что стоял в прихожей на низком столике, покрытом слоем пыли,

тот самый, который за всё время его пребывания здесь не звонил ни разу.

Он поднялся, прошёл босиком по холодному линолеуму, который лип к ступням, нащупал в темноте трубку. Рычаг был холодным, металлическим, и Ник на секунду замер, прежде чем поднести её к уху.

– Алло? – голос его прозвучал хрипло, сонно, чуждо.

– Мистер Хитклиф? – Голос в трубке был женский, незнакомый, с хрипотцой и каким-то странным, тягучим акцентом, который Ник не мог определить. В нём слышались нотки чего-то восточноевропейского – растянутые гласные, чуть приглушённые согласные, та самая манера говорить, которая отличала речь Константина. – Вы вчера были в «Амбер Отеле».

Утверждение. Не вопрос. Она не спрашивала – она констатировала факт, как человек, который знал, что он там был, знал, когда он пришёл, знал, сколько времени провёл, знал, что видел.

Ник замер. Сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев. В висках застучало, и каждый удар отдавался в позвоночнике глухой, ноющей болью.

– Кто это? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но слова вылетали сухими, сдавленными.

– Неважно. – Голос был спокоен, почти равнодушен, но в этом равнодушии чувствовалась сила, уверенность человека, который привык, чтобы его слушали. – Важно то, что вы там

видели. И то, что вы ищете. Не задавайте лишних вопросов, мистер Хитклиф. Не пытайтесь выяснить, кто я. Это не поможет вам найти её. Это только навредит.

– Откуда вы знаете, что я ищу? – вырвалось у Ника, и он сам удивился тому, как прозвучал его голос – требовательно, почти агрессивно. – Откуда вы знаете про отель? Про то, что я там был?

– Я многое знаю, мистер Хитклиф. – В голосе женщины послышалась лёгкая, едва уловимая усмешка. – Больше, чем вы думаете. И я здесь, чтобы предупредить. Оставьте прошлое. Не возвращайтесь туда. Не задавайте вопросов. Никому. Особенно тем, кто предлагает вам помощь.

– Я не оставлю. – Ник чувствовал, как внутри закипает глухое, тяжёлое раздражение, смешанное со страхом. – Я ищу Луизу. Я потратил пятнадцать лет, чтобы выйти на свободу и найти её. Я не остановлюсь из-за одного телефонного звонка.

Пауза. Длинная, тягучая, наполненная только треском помех на линии. Ник слышал её дыхание – ровное, спокойное, как у человека, который не торопится и не нервничает. Потом она заговорила снова, и голос её стал тише, почти шёпотом, но от этого только страшнее.

– Луизы больше нет, мистер Хитклиф. – Каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами. – Не той Луизы, которую вы помните. Не той, которую вы ищете.

Она изменилась. Константин забрал у неё всё – талант, волю, память, душу. То, что осталось, – только оболочка. Тень. Отражение. Оставьте её. Оставьте отель. Оставьте прошлое. Иначе вы разделите её судьбу.

– Вы говорите с ней? – вырвалось у Ника. – Вы знаете, где она? Вы видели её? Скажите мне! Пожалуйста!

– Я говорю с вами, чтобы спасти вас. – В голосе женщины появилась усталость, та самая бесконечная, вековая усталость, которую Ник уже слышал в голосе Элизабет Стерлинг. – Послушайте меня, мистер Хитклиф. Отель не прощает тех, кто задаёт вопросы. Он помнит всё. Он помнит Кэтрин Браун, которая слишком много узнала. Он помнит Луизу, которая слишком много написала. Он помнит вас. Он ждёт. Не дайте ему дожидаться вас.

– Я не боюсь.

– А зря. – В голосе мелькнуло что-то похожее на жалость. – Страх – это единственное, что помогает выжить рядом с ним. Единственное, что держит вас на расстоянии. Потеряете страх – потеряете себя. Как Луиза. Как Кэтрин. Как все они.

Короткие гудки.

Ник опустил трубку. Стоял в прихожей, глядя на телефон, и пытался осмыслить услышанное. Кто это мог быть? Голос был женский, молодой, с акцентом. Элизабет Стерлинг? Но голос Элизабет был старческим, скрипучим, с лондонскими нотками. Люси Фурнье? Возможно. Люси была сообщницей

Константина, она отравила пищу, она убила его друзей. Но зачем ей предупреждать его? Зачем ей помогать? Или это не помощь? Может быть, это очередная ловушка? Может быть, Константин сам звонил, используя чужой голос, чтобы проверить, как далеко он зашёл, сколько знает, сколько готов узнать?

Он вернулся в комнату, сел на кровать, положил трубку рядом с собой. Телефон стоял на тумбочке, чёрный, беззвучный, и Ник смотрел на него, ожидая, что он зазвонит снова. Минута. Две. Пять. Десять. Тишина.

Остаток дня он провёл в напряжённом ожидании. Каждый шорох за стеной заставлял вздрагивать, каждый звонок телефона – хвататься за трубку. Соседи сверху ходили по квартире, и каждый их шаг отдавался в потолке глухим, пульсирующим звуком. Где-то на лестнице хлопнула дверь, и Ник вскочил, подбежал к глазку, вглядываясь в пустой, серый коридор. Но больше никто не звонил. Никто не стучал. Никто не приходил.

К вечеру он решился. Надо было идти. К Маргарет. К Элизабет. К тем, кто может знать больше, чем говорят по телефону. Бездействие было страшнее любой опасности. Бездействие означало, что он сдаётся, что он соглашается с тем, что Луизы больше нет, что он бросает её там, в чёрном провале, в комнате 217, в зазеркалье, откуда никто не возвращается.

Он оделся – надел ту же самую куртку, в которой был вчера, ту самую, что помнила пятнадцатилетнюю давность и за-

пах тюремной камеры, – сунул дневник во внутренний карман, проверил, на месте ли ключ от банковской ячейки, завернутый в старый, выцветший платок, который дала Маргарет. На секунду задержался у мутного зеркальца над раковиной, посмотрел на своё отражение – бледное, осунувшееся, с лихорадочным блеском в глазах. «Ты похож на неё», – сказала Элизабет. На Луизу. Такой же упрямый. Такой же безумный.

Вышел в коридор, закрыл дверь, провернул ключ в замке. И замер.

На полу, у самого порога, лежал конверт. Белый, плотный, дорогой, без марок и обратного адреса, с аккуратным, почти каллиграфическим почерком, выведенным чёрными чернилами. На конверте было написано всего одно слово: «НИКУ».

Он не слышал, как его подложили. Не слышал шагов, не слышал, как скрипнула половица, не слышал, как хлопнула дверь подъезда. Конверт просто лежал там, на выцветшем, потёртом коврикe, который он стелил ещё в первый день, будто его туда положили, когда он был в комнате. Будто тот, кто его оставил, знал, когда он выйдет. Будто он ждал.

Ник огляделся. Коридор был пуст. Соседняя дверь, обитая старым, выцветшим дерматином, была закрыта, из-за неё не доносилось ни звука. Внизу, на лестничной клетке, было тихо. Только тусклая лампочка под потолком, прикрытая ржавым абажуром, мерцала, отбрасывая длинные, дрожащие

тени на стены, и в этих тенях, казалось, пряталось что-то, что наблюдало за ним, ждало, когда он поднимет конверт.

Он нагнулся, поднял его. Бумага была плотной, гладкой, с едва заметным тиснением – какой-то геометрический узор, может быть, вензеля, может быть, просто орнамент. Конверт был заклеен, и Ник провёл пальцем по краю, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, как кровь приливает к вискам, как в голове нарастает тот самый звон, который он слышал в отеле, перед тем как увидел чёрный провал.

Он разорвал конверт. Внутри был сложенный втрое лист той же плотной, дорогой бумаги. Тот же почерк – аккуратный, выверенный, без единой помарки, без единого исправления. Буквы выведены с такой тщательностью, словно тот, кто их писал, знал, что каждое слово будет прочитано, перечитано, выучено наизусть. Ник развернул лист и начал читать.

«Оставь прошлое.

Не ищи то, что спрятано.

Не спрашивай о том, что было.

Не пытайся войти туда, откуда не возвращаются.

Иначе ты разделишь судьбу тех, кто спрашивал до тебя.

Ты уже был там. Ты видел. Ты понял.

Хватит. Остановись. Пока не поздно.

Пока ты ещё можешь вернуться.

Отель помнит.

Он помнит Кэтрин Браун, которая слишком много узнала.

Он помнит Луизу Браун, которая слишком много написала.

Он помнит тебя.

Он ждёт.

Не дай ему дождаться тебя».

Ник перечитал записку трижды. Каждое слово врезалось в память, каждое предложение было предупреждением и одновременно – приманкой, вызовом, подтверждением того, что он на правильном пути. Кто-то хотел, чтобы он остановился. Кто-то боялся, что он продолжит. Значит, он был близко. Ближе, чем думал.

Глава 6

Ложный след

Следующие три дня Ник провёл в архивах. Местная библиотека на Хайгейт-роуд, куда он пришёл по совету Маргарет, оказалась маленьким, тесным помещением с низким потолком и запахом старых книг, который, казалось, вёлся в стены ещё в прошлом веке. Здесь было тихо – только шуршание страниц, только редкие шаги библиотекаря, только мерное тиканье настенных часов с маятником, отсчитывающих минуты, часы, дни, которые Ник проводил в поисках хоть какой-то зацепки. Окна выходили на оживлённую улицу, но звуки города сюда почти не проникали – только приглушённый гул автобусов и редкие сигналы машин, которые казались доносящимися из другого мира.

Он перебирал подшивки старых газет за 1990–1995 годы, листал микрофильмы, делал выписки в блокнот, который купил в канцелярском магазине на углу. Пальцы пахли типографской краской и пылью, глаза слезились от напряжения, но он не останавливался. Каждый день он приходил к открытию – ровно в девять утра, когда библиотекарша, миссис Поттер, отпирала тяжёлую дубовую дверь с медной ручкой, – и уходил, когда библиотека закрывалась, в шесть ве-

вчера, и возвращался в свою съёмную комнату, где его ждала тишина и та самая записка, которую он перечитывал каждый вечер перед сном: «Оставь прошлое».

Он не оставлял.

Каждое утро он садился за один и тот же стол у окна, раскладывал перед собой стопки газет и начинал листать. Сначала шли 1990 год – тот самый, когда Луиза исчезла. Он просматривал криминальную хронику, заметки о происшествиях, объявления о розыске. Ничего. Словно её никогда и не существовало. Словно кто-то вычеркнул её из всех официальных записей, из всех газетных полос, из самой памяти города. Потом 1991, 1992, 1993. Всё та же пустота. Только в 1995 году, в заметке о закрытии «Амбер Отеля», он нашёл короткое упоминание: «Среди долгосрочных постояльцев, покинувших отель в последние дни, числилась писательница Луиза Браун, проживавшая здесь с 1990 года». Проживавшая. Не исчезнувшая. Не пропавшая. Проживавшая. Словно она не была пленницей, словно она сама выбрала остаться.

На третий день библиотекарь – женщина лет пятидесяти с добрым, усталым лицом и очками на цепочке, которая всегда свисала с шеи и позвякивала, когда она двигалась, – подошла к нему с папкой в руках. На папке было написано от руки, выцветшими чернилами: «Амбер Отель. Документы. Не для общего доступа». Миссис Поттер оглянулась по сторонам, проверяя, нет ли в читальном зале кого-то ещё, и положила

папку на стол перед Ником.

– Вы ищете что-то конкретное? – спросила она тихо, и в её голосе слышалось искреннее желание помочь. – Я вижу, вы уже третий день здесь. Все эти газеты, микрофильмы... Может, подсказать что-то? У нас есть отдел краеведения, там хранятся материалы, которые не выдают просто так.

– Я ищу информацию об «Амбер Отеле», – сказал Ник, не поднимая головы от микрофильма, на котором была застывшая фотография отеля 1987 года. – И о семье Браун. Кэтрин Браун и её дочери Луизе.

Миссис Поттер помолчала. Её лицо, и без того бледное, стало ещё бледнее. Она снова оглянулась на пустой зал, наклонилась ближе.

– Это старые документы, – сказала она ещё тише, почти шёпотом. – Их не дают просто так. Но я вижу, что вам это нужно. Только будьте осторожны. Некоторые вещи лучше не ворошить. Особенно то, что связано с этим отелем. У нас в городе о нём не любят говорить.

– Почему? – спросил Ник, поднимая голову.

– Потому что те, кто говорил, – она запнулась, подбирая слова, – с ними случались странные вещи. Исчезали. Менялись. Забывали, о чём хотели рассказать. Это место... оно не любит, когда о нём вспоминают.

Она ушла, оставив Ника одного с папкой. Её шаги затихли в глубине библиотеки, и снова воцарилась тишина – только

часы тикали, только страницы шуршали, только где-то далеко, за толстыми стенами, гудел город.

Ник открыл папку. Внутри были старые, пожелтевшие бумаги, фотографии, вырезки из газет, какие-то рукописные заметки, сделанные, судя по почерку, разными людьми, в разное время, разными чернилами – синими, чёрными, выцветшими до коричневого. Запах от них шёл тяжёлый, сладковатый – запах времени, которое не хочет отпускать свои тайны, запах чужих жизней, застывших между страниц, запах того, что должно было быть забыто, но не было.

Первое, что он увидел, была фотография. Чёрно-белая, любительская, с рваными краями, как будто её вырвали из альбома или вырезали ножницами, не слишком заботясь об аккуратности. На ней была женщина – молодая, лет двадцати пяти, с тёмными волосами, собранными в пучок на затылке, из которого выбивались непослушные пряди, с тонкими чертами лица, с большими, чуть удивлёнными глазами. Она стояла на фоне высоких кустов, подстриженных в форме шара, какие бывают только в старых, заброшенных садах, и улыбалась в камеру. Улыбка была открытой, живой, совсем не похожей на те, что Ник видел на других фотографиях Кэтрин – тех, что были сделаны после отеля. На обороте было написано карандашом, почти стёршимся, едва различимым: «Сад «Амбер Отеля», 1989. Кэтрин Браун».

Ник перевернул фотографию, всмотрелся в лицо женщины. Это была Кэтрин. Мать Луизы. Живая, молодая, ещё не

сломленная тем, что ей предстояло пережить через несколько месяцев. Она не знала, что через год войдёт в комнату 217. Не знала, что станет частью коллекции. Не знала, что её дочь повторит её судьбу. Он положил фотографию рядом с собой и продолжил перебирать.

Дальше шли документы. Счета из «Амбер Отеля» за разные годы, какие-то квитанции, бланки заказов, меню ресторана, напечатанные на плотной, дорогой бумаге с золотым тиснением. В углу каждого бланка был логотип – янтарная капля, внутри которой угадывались цифры 217. Тот самый символ, который он видел в дневнике Кэтрин. Тот самый, который, казалось, преследовал его повсюду. Он встречался ему в документах, в записках, в старых фотографиях – везде, куда он смотрел, везде, где что-то было связано с отелем.

Потом он нашёл список постояльцев. Рукописный, на плотной бумаге в клетку, с аккуратными столбцами, выведенными разными почерками – видимо, разными администраторами в разные годы. Вверху страницы было написано: «Регистрационная книга. Амбер Отель. 1975–1995». Ник провёл пальцем по строчкам, выискивая знакомые имена.

Мэри Уилсон, 1975 год. Джеймс Картер, 1978-й. Элеонора Грей, 1979-й. Патриция О'Коннор, 1982-й. Роберт Стивенсон, 1984-й.

Имена из сборника Маргарет Эллиот. Те самые, которые он читал в тюрьме, в те бесконечные ночи, когда не мог уснуть, те самые, которые рассказывали о зеркалах-дверях,

о пропавших душах, о комнате, из которой не возвращаются. Все они были здесь. Все они останавливались в «Амбер Отеле» в разные годы. И все они, судя по заметкам на полях, сделанным красными чернилами, исчезли или изменились после своего визита. Рядом с каждым именем стояла одна и та же пометка: «Особый случай». И ниже, другим почерком, более нервным, торопливым: «Комната 217».

Потом он увидел её имя. Кэтрин Браун. Дата заезда – 2 ноября 1979 года. Дата выезда – не указана, вместо неё стоял прочерк, выведенный с такой силой, что перо проткнуло бумагу. Напротив имени была та же пометка красными чернилами: «Особый случай». И ниже, тем же нервным, торопливым почерком: «Комната 217».

Ник сжал лист так, что бумага хрустнула и едва не порвалась. Кэтрин была там. В той самой комнате. За два дня до своей смерти.

Он перевернул страницу и увидел следующее имя. Луиза Браун. Дата заезда – 12 сентября 1990 года. Дата выезда – не указана, снова прочерк, снова та же пометка. Та же комната. Тот же почерк.

Он сидел, глядя на эти две строчки, и чувствовал, как внутри всё переворачивается, как земля уходит из-под ног, как привычный мир, в котором он жил пятнадцать лет, рушится, открывая бездну. Мать и дочь. Одна и та же комната. Одна и та же судьба. Константин забрал Кэтрин в 1979-м, а

через одиннадцать лет – Луизу. Или не забрал? Или она сама пришла? Или её заставили? И что значит «Особый случай»? Чем они были особенными для него?

Он убрал список в папку и взял следующую бумагу. Это было письмо. Рукописное, на выцветшей, почти рассыпающейся бумаге, с неровными, дрожащими строчками, которые то поднимались вверх, то падали вниз, будто писавший не мог удержать руку. Без даты, без подписи. Но почерк он узнал сразу – это был почерк Кэтрин Браун.

«Я знаю, что вы ищете. Я знаю, что вы хотите найти её. Но её нет. Не той, которую вы помните. Она изменилась. Константин забрал у неё всё, что можно было забрать – талант, волю, память, душу. А то, что осталось, – только тень. Она бродит по коридорам, смотрит в зеркала, ждёт. Чего – я не знаю. Может быть, вас. Может быть, того, кто сможет её освободить. Но будьте осторожны. Те, кто входят в комнату 217, редко выходят оттуда теми, кем вошли. Я знаю. Я была там. Я вышла, но не вся. Часть меня осталась. И останется навсегда. Не повторяйте моих ошибок. Не ищите её. Не пытайтесь её спасти. Она уже не та, кого вы любили».

Ник перечитал письмо трижды. Каждое слово врезалось в память, каждое предложение было предупреждением и одновременно – призывом, который он не мог игнорировать. Кто его написал? Кэтрин? Но Кэтрин умерла в 1979 году, за одиннадцать лет до того, как Луиза исчезла. Когда она могла написать это письмо? До того, как вошла в комнату 217? Или

после того, как вышла? И кому оно адресовано? Ей? Луизе? Тому, кто будет искать её?

Он спрятал письмо в папку и взял фотографии. Их было много – десятки, может быть, сотни. Гости отеля, снятые в разные годы, разными камерами, в разных ракурсах. Кто-то позировал в холле перед огромным зеркалом в позолоченной раме, отражавшим не комнату, а какой-то другой, незнакомый интерьер. Кто-то – в ресторане, за накрытыми столами, с бокалами в руках, с застывшими, неестественными улыбками. Кто-то – в саду, среди тех самых кустов, что были на фотографии Кэтрин, на фоне старого фонтана, из которого давно не била вода. Лица менялись, одежда менялась, стиль менялся – от строгих костюмов семидесятых до ярких, небрежных нарядов конца восьмидесятых, – но отель оставался неизменным. Мрачным, давящим, живущим своей, неведомой жизнью. Те же стены, те же зеркала, тот же туман, стелющийся у подножия.

Он перебирал фотографии одну за другой, вглядываясь в каждое лицо, в каждый силуэт в глубине кадра. На одной из них, сделанной, судя по одежде, в конце восьмидесятых, он заметил в отражении окна женскую фигуру. Нечёткую, размытую, но знакомую. Длинные тёмные волосы, светлое платье. Она стояла у окна и смотрела в объектив. Или не в объектив? Или сквозь него, на того, кто будет смотреть на эту фотографию через двадцать лет?

Он перевернул фотографию. На обороте было написано:

«Луиза Браун. 1989. До приезда в отель». Ник замер. 1989 год. Луиза была в отеле за год до того, как исчезнуть. За год до того, как войти в комнату 217. За год до того, как стать частью коллекции. Она приезжала сюда раньше. Она знала, куда идёт. Знала, на что идёт. И всё равно вернулась.

Он продолжал листать. Фотографии сменяли одна другую, и на каждой он искал её лицо. Вот она в холле, разговаривает с кем-то, кого не видно за краем кадра. Вот она в саду, одна, смотрит на фонтан. Вот она у окна, и в отражении стекла – её собственное лицо, бледное, испуганное, с большими, отчаянными глазами. На всех фотографиях она выглядела по-разному – то молодой, почти девочкой, то старше, с тенями под глазами, с глубокими морщинами у рта. Время в отеле, казалось, шло не так, как снаружи. Или она возвращалась туда снова и снова? Или эти фотографии были сделаны в разные годы, но она не менялась?

Потом его пальцы замерли на одной фотографии. Она была в самом низу стопки, почти на дне папки, приклеенная скотчем к листу бумаги, на котором было написано: «1995. Последние дни отеля. Фото из личного архива сотрудника».

На фотографии была девушка. Молодая, лет двадцати пяти, с длинными тёмными волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, из которого выбивались знакомые, непослушные пряди. На ней было светлое платье – то самое, что она носила в 1990-м, когда приехала в отель, – и она стояла на фоне высокого окна с витражом, того самого, что бы-

ло в холле, того самого, через которое падал цветной свет на пыльный паркет. Она смотрела прямо в объектив, и в её глазах был тот самый испуганный, отчаянный блеск, который Ник видел на последней записи Луизы в кассете. Но что-то было не так. Что-то неуловимое, едва заметное, что заставило его всмотреться пристальнее.

Это была Луиза.

Но не та, которую он помнил.

В её взгляде не было той жизни, того огня, той безумной, отчаянной надежды, которая всегда горела в её глазах, даже когда всё было плохо. В её взгляде была пустота. Абсолютная, бесконечная пустота, как у человека, который смотрит на мир из-за стекла, из другого измерения, из места, где время остановилось. Она улыбалась, но улыбка не касалась глаз. Она смотрела на него, но не видела. Или видела сквозь, на что-то другое, что находилось за пределами кадра, за пределами реальности.

Ник перевернул фотографию. На обороте было написано карандашом, тем же почерком, что и на других: «Луиза Браун. 1995. Перед закрытием отеля. Последняя фотография».

Последняя. Слово ударило его, как пощёчина. Последняя фотография Луизы. Сделанная в 1995 году, в последние дни «Амбер Отеля». Через пять лет после того, как она исчезла. Через пять лет после того, как, по словам полиции, она покинула отель. Через пять лет после того, как, по словам Кон-

стантина, она уехала.

Она не уезжала. Она была там. Всё это время. В комнате 217. В зазеркалье. В коллекции.

Ник не помнил, как выбежал из библиотеки, как сунул папку в рюкзак, как натянул куртку на ходу, как миссис Поттер кричала ему вслед что-то про читательский билет и регистрацию. Он помнил только, что сердце колотилось где-то в горле, а в голове стучала одна мысль, одна, единственная, от которой всё остальное теряло смысл: она жива. Луиза жива. Она где-то здесь, в этом городе, или в другом, или в том самом зазеркалье, из которого она смотрела на него пустыми глазами. И он найдёт её. Обязательно найдёт.

На улице моросил дождь – тот самый, мелкий, лондонский, который шёл здесь, казалось, всегда, и будет идти всегда, сколько бы лет ни прошло. Ник почти бежал к автобусной остановке, сверяясь с адресом, который выучил наизусть ещё в библиотеке. На обороте одной из фотографий, той, что была сделана в саду, кто-то написал адрес: «Холлоуэй-роуд, 84, кв. 12. Сара Эванс. Может знать что-то о Луизе». Кто написал – он не знал. Может быть, тот самый сотрудник, из чьего архива была эта папка. Может быть, кто-то из тех, кто искал её раньше. Но это была зацепка. Единственная зацепка, которая у него была.

Автобус подошёл через десять минут – старый, красный, двухэтажный, с облупившейся краской и потёртыми сиденьями. Ник забрался на верхний этаж, сел у окна. Город про-

плывал мимо – серый, мокрый, равнодушный. Люди спешили по своим делам, укрываясь от дождя зонтами, пряча лица в воротники. Никто не знал, что в этом городе есть место, где время течёт иначе. Никто не знал, что где-то там, за чёрным провалом, за зеркальной стеной, в комнате 217, его Луиза смотрит на мир пустыми, чужими глазами и ждёт, когда он придёт.

Холлоуэй-роуд встретила его тишиной. Район был старым, не таким, как Кентиш-Таун, с его суетой и многоэтажками, а совсем другим – тихим, заброшенным, с узкими, кривыми улочками, с низкими домами, облупившимися, с покосившимися заборами и заколоченными окнами. Здесь, казалось, время остановилось где-то в конце восьмидесятых. Не было ни новых автомобилей, ни людей с мобильными телефонами, ни ярких рекламных щитов. Только старые, потрёпанные жизнью дома, только мокрый асфальт, отражающий серое небо, только редкие прохожие, спешащие по своим делам, не глядя по сторонам.

Дом 84 стоял в конце тупика, упирающегося в пустырь, заросший бурьяном и крапивой. Маленький, двухэтажный, с облупившейся краской и заколоченным окном на втором этаже, он, казалось, прятался от мира, вжимался в землю, старался стать незаметным. У крыльца стояла старая скамейка, на которой кто-то оставил мокрый зонт – пепельного цвета, с погнутой спицей, с выцветшей тканью, на которой ко-

гда-то был какой-то узор, теперь уже неразличимый. Рядом со скамейкой – ржавое ведро, в котором плавали окурки и жёлтые листья.

Ник поднялся на крыльцо. Ступеньки скрипели под ногами, и каждый скрип казался ему чужим, не своим, будто кто-то другой шёл рядом, отражая каждый его шаг. Дверь была старой, деревянной, с потёртой медной ручкой и почтовым ящиком, из которого торчали какие-то бумаги – рекламные листовки, наверное, или счета, которые никто не забирал. Он постучал. Тишина. Постучал ещё раз, громче.

Дверь открылась не сразу. Сначала послышался звук отодвигаемого засова – старого, металлического, с протяжным, жалобным скрипом, – потом шаркающие шаги, потом тишина. И только потом на пороге появилась она.

Девушка. Молодая, лет двадцати пяти, с длинными тёмными волосами, собранными в небрежный пучок на затылке, из которого выбивались знакомые, непослушные пряди. На ней было светлое платье – не такое, как на фотографиях Луизы, но похожее, той же длины, того же фасона. Она смотрела на Ника большими, чуть испуганными глазами, и в этом взгляде было что-то знакомое, что-то, от чего у него перехватило дыхание, что-то, что заставило сердце пропустить удар, а потом забиться с бешеной, нечеловеческой скоростью.

– Луиза? – выдохнул он.

Девушка отшатнулась, будто он ударил её. Её лицо, и без того бледное, стало совсем белым, как бумага, как те стра-

ницы, которые он перелистывал в библиотеке. Руки, сжимающие край двери, дрожали, и он видел, как дрожь эта поднимается выше, к плечам, к губам, к глазам.

– Откуда вы знаете это имя? – спросила она, и голос её дрожал, срывался, будто она говорила сквозь слёзы или сквозь страх. – Кто вы? Кто вы такой?

– Ник. Ник Хитклиф. – Он слышал, как его собственный голос звучит хрипло, чуждо, будто принадлежит кому-то другому. – Я друг Луизы. Я ищу её уже пятнадцать лет. Вы... вы очень похожи. Очень.

Она смотрела на него долго, очень долго. В её глазах мелькало что-то – страх, удивление, может быть, узнавание, может быть, то самое отчаяние, которое он видел на фотографиях Луизы. Потом она отступила вглубь прихожей, жестом приглашая войти.

– Заходите, – сказала она тихо, и в её голосе была та самая усталость, которую Ник слышал в голосе Элизабет Стерлинг, ту самую, вековую, бесконечную усталость человека, который слишком долго ждал. – Нам нужно поговорить.

Внутри дом был маленьким, бедно обставленным, но чистым. В прихожей пахло сыростью и старым деревом, на стенах висели фотографии в потёртых рамках – те самые, что он видел в папке, те самые, что в библиотеке, те самые, что лежали в дневнике Кэтрин. Лица, лица, лица. Гости «Амбер Отеля», застывшие в разных годах, в разных позах, с разными

ми выражениями. И среди них – она. Луиза. Та самая Луиза, которую он искал. На одной фотографии она стояла у окна, на другой – в саду, на третьей – в холле перед зеркалом. На всех она смотрела прямо в объектив, и в её взгляде была та самая пустота, которую он видел на последней фотографии.

Девушка провела его в комнату – маленькую, тесную, с низким потолком и единственным окном, выходящим в кирпичную стену соседнего дома. Усадила на старый диван, обитый выцветшей тканью, сама села напротив, на табуретку. В руках она держала тот самый пепельный зонт, что стоял у крыльца, и нервно крутила его в пальцах, крутила, крутила, не в силах остановиться.

– Меня зовут Сара, – сказала она. – Сара Эванс. Я не Луиза. Я никогда не была Луизой.

– Но вы похожи, – Ник не мог отвести от неё глаз. – Очень похожи.

– Я знаю, – она опустила голову, и волосы упали на лицо, скрывая его, будто она пряталась от его взгляда. – Я знаю, что похожа. Мне говорили. Всегда говорили. С детства.

– Кто?

– Моя мать. – Сара подняла глаза, и в них было что-то такое, от чего у Ника сжалось сердце. – Моя мать была горничной в «Амбер Отеле» в конце восьмидесятых. Она видела Луизу. Много раз. Говорила, что мы с ней как сёстры. Одни глаза, одни волосы, одна улыбка. Она даже имя мне хотела дать Луиза, но отец не разрешил. Сказал, что это имя при-

носит несчастье. Он был прав.

– Ваша мать... она рассказывала вам об отеле?

– Рассказывала, – Сара кивнула. – Перед смертью. Она долго молчала, боялась. Боялась Константина, боялась того, что он может сделать с ней, с нами, если узнает, что она говорила. А потом, когда поняла, что умирает, когда уже нечего было терять, рассказала всё. Об отеле, о Константине, о комнате 217, о зеркалах. И о Луизе. О том, как та приехала в отель в 1990 году. О том, как Константин заставил её писать. О том, как она исчезла.

– Она исчезла? – Ник подался вперёд, чувствуя, как внутри закипает отчаянная, жгучая надежда. – Что значит «исчезла»?

– Моя мать видела её в последний раз в ночь закрытия отеля. В 1995 году. – Сара говорила медленно, растягивая слова, будто каждое из них давалось ей с трудом. – Луиза была там. Она не уехала. Она осталась. Мать говорила, что видела её в окне комнаты 217. Смотрела на пустырь, где когда-то был сад. И улыбалась. А потом отель закрыли, и больше её никто не видел.

Сара замолчала, крутя зонт в руках. Потом встала, подошла к старому, покосившемуся шкафу в углу комнаты, открыла дверцу, которая заскрипела, будто жалуясь, и достала старую, потрёпанную коробку из-под обуви. На коробке была надпись, выведенная фломастером, уже выцветшим: «Лу-

иза Браун. Документы. Не выбрасывать».

– Я хотела найти её, – сказала Сара, ставя коробку на стол перед Ником. – Когда мать умерла, я решила, что должна узнать правду. О Луизе, об отеле, о том, что там произошло. Я перерыла все архивы, все библиотеки, все старые газеты. Нашла документы, фотографии, письма. Всё, что могла. Всё, что осталось.

Она открыла коробку. Внутри были бумаги – много бумаг, стопками, перевязанными бечёвкой, которая от времени стала коричневой и ломкой. Фотографии – те самые, что он видел в библиотеке, и другие, которых там не было, которые, наверное, хранились только здесь, в этой тесной комнатке, в этой старой коробке из-под обуви. Вырезки из газет, какие-то рукописные заметки, квитанции, счета, письма, конверты без марок, с адресами, которые уже никто не помнит.

– Я нашла её, – сказала Сара, и в её голосе было что-то странное – не радость, не облегчение, а скорее усталость, та самая, бесконечная, которую Ник уже научился узнавать. – Не ту, которую вы ищете, а ту, которая была. Я нашла её историю. Всю. От начала до конца.

– Расскажите, – попросил Ник. – Пожалуйста. Всё, что знаете.

Сара села напротив, взяла верхнюю стопку бумаг. Её руки дрожали, и он видел, как она пытается унять эту дрожь, сжимая пальцы, сжимая бумагу, сжимая всё, что может удержать.

– Луиза Браун приехала в «Амбер Отель» в сентябре 1990 года. – Голос её был тихим, ровным, будто она читала вслух чью-то чужую историю, не имеющую к ней никакого отношения. – Она была писательницей, искала вдохновения. Константин встретил её, как встречал всех – вежливо, холодно, с той особенной улыбкой, которая ничего не значит. Он поселил её в комнате 217. Той самой, где жила её мать за одиннадцать лет до этого.

– Она знала про мать? – спросил Ник, хотя ответ уже знал.

– Знала. И боялась. – Сара подняла на него глаза, и в них была та самая жалость, которую он видел в глазах Элизабет, в глазах Маргарет, в глазах всех, кто знал эту историю. – Но она думала, что сможет победить. Думала, что она сильнее. Что сможет узнать правду и рассказать её миру. Она написала книгу. Не ту, которую издали потом, а другую. Ту, в которой рассказала всё. Об отеле, о Константине, о зеркалах, о жертвах. Она хотела опубликовать её, но Константин узнал.

– И тогда?

– Он предложил ей выбор. – Сара смотрела на Ника, и в её взгляде было что-то, от чего у него похолодело внутри. – Или она остаётся в отеле и пишет для него. Или она уходит, но её книга никогда не будет опубликована. А если она попытается...

– Что?

– Он убьёт её друзей. – Сара говорила тихо, почти шёпо-

том, но каждое слово врезалось в память, как удар ножа. – Тех самых, которые погибли в 1990 году. Отравление пиццы. Вы знаете эту историю.

Ник почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он знал. Знал, как никто другой. Потому что был там. Потому что выжил. Потому что пятнадцать лет сидел в тюрьме, обвинённый в их смерти. Потому что каждую ночь видел их лица – Лили, Ребекку, Софи, Растриэля, – и знал, что не сможет их спасти, что они умерли, а он остался.

– Она осталась, – сказал он. Это был не вопрос.

– Она осталась, – кивнула Сара. – Чтобы спасти вас. Чтобы вы могли жить. Даже если она будет смотреть на вас из-за стекла. Из комнаты 217.

Ник сидел, не в силах пошевелиться. В голове стучало, перед глазами плыло. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он думал, что ищет пропавшую женщину. А она всё это время была там, в той самой комнате, которую он видел, в том самом чёрном провале, куда не мог войти. Она пожертвовала собой, чтобы он жил. Чтобы его не убили. Чтобы он вышел из тюрьмы и нашёл её. И он искал. Пятнадцать лет. И нашёл. Только не ту, которую искал.

– Она жива? – спросил он, и голос его прозвучал глухо, чуждо, будто принадлежал не ему. – Сейчас. Сейчас она жива?

Сара молчала долго. Очень долго. Ник слышал её дыхание – ровное, спокойное, как у человека, который знает ответ, но

боится его произнести. Потом она протянула ему фотографию. Ту самую, что была в папке. Последнюю.

– Это было сделано в прошлом году, – сказала она. – В отеле. Перед тем, как его снесли. Один из рабочих нашёл эту фотографию в стене, когда разбирали комнату 217. Он принёс её в библиотеку, и миссис Поттер отдала мне. Знала, что я ищу.

Ник взял фотографию. Руки его дрожали так сильно, что изображение расплывалось, и ему пришлось несколько раз проморгаться, прежде чем он смог разглядеть её.

На фотографии была женщина. Бледная, худая, с длинными седыми волосами, которые когда-то были тёмными, густыми, живыми. С пустыми, ничего не выражающими глазами, которые когда-то горели отчаянным, безумным огнём. С тонкими, потрескавшимися губами, которые когда-то улыбались ему, смеялись, спорили о музыке, читали стихи, шептали его имя. Она стояла у окна, за которым виднелся пустырь, где когда-то был сад, и смотрела прямо в объектив. Её лицо было лицом старухи, но глаза... глаза были теми же. Теми самыми, которые он помнил. Большими, испуганными, отчаянными. Только пустыми. Абсолютно, бесконечно пустыми.

– Луиза, – прошептал он.

– Да, – Сара кивнула. – Это Луиза. Та, которую вы ищете. Он смотрел на фотографию, и перед глазами стояла дру-

гая – та, что он держал в тюрьме все пятнадцать лет. Молодая, смеющаяся, с горящими глазами, с растрёпанными волосами, в том самом зелёном платье, которое она надела в тот вечер, когда они пили виски и спорили о Моррисоне. И эта – бледная, седая, пустая. Одна и та же женщина. И две разные жизни. Одна, которую он помнил. И другая, которую он не знал.

– Где она? – спросил он, и голос его дрожал. – Где она сейчас?

– Я не знаю, – Сара покачала головой, и в этом жесте было столько усталости, столько безнадежности, что Нику захотелось закричать. – После того как отель снесли, её след потерялся. Кто-то говорит, что она осталась там, в руинах. Кто-то – что Константин забрал её в другой свой дом. Кто-то – что она умерла. Я не знаю. Я искала три года. объездила полстраны. Но так и не нашла.

Она протянула ему стопку бумаг – те самые, что лежали в коробке.

– Это всё, что я нашла. Документы о семье Браун. О Луизе. Об отеле. Фотографии. Письма. Заметки, которые оставили те, кто пытался её найти до меня. Возьмите. Может быть, вам повезёт больше, чем мне. Может быть, вы найдёте то, что не нашла я.

Ник взял бумаги. Они были тяжёлыми – тяжелее, чем казались на вид. В них была чья-то жизнь. Или то, что от неё осталось.

– Почему вы искали её? – спросил он. – Вы же не знали её. Вы никогда не видели её. Почему?

Сара улыбнулась. Грустно, устало, той улыбкой, которая бывает у людей, которые знают, что ответа на их вопрос не существует, но всё равно продолжают спрашивать.

– Потому что моя мать просила, – сказала она. – Перед смертью. Она сказала: «Найди её. Найди Луизу. Расскажи ей, что я помню. Что я не забыла. Что я прошу прощения». Я не знаю, за что она просила прощения. Может быть, за то, что молчала. За то, что видела, но ничего не делала. За то, что не смогла помочь. Но я искала. И нашла. Только поздно. Слишком поздно.

Она замолчала, глядя на свои руки, лежащие на коленях. Потом подняла голову, и в её глазах мелькнуло что-то – может быть, надежда, может быть, отчаяние, может быть, просто усталость, которая не знает границ.

– Вы найдёте её, – сказала она. – Я знаю. Вы найдёте. И расскажете ей. Что её не забыли. Что её помнят. Что её ждут.

Ник кивнул. Собрал бумаги, сложил их в рюкзак. Встал. Ноги были ватными, голова кружилась, но он должен был идти. Должен был продолжать. Не мог остановиться. Не сейчас. Не когда он так близко.

– Спасибо, – сказал он. – За всё.

– Не за что, – Сара тоже встала, поправила платье, убрала выбившуюся прядь волос за ухо. – Только будьте осторожны.

Константин... он не прощает тех, кто ищет. Он найдёт вас. Обязательно найдёт. Как нашёл всех, кто искал до вас.

– Пусть находит, – сказал Ник.

Она проводила его до двери. На пороге задержалась, глядя на него долгим, изучающим взглядом. В её глазах было что-то, что он не мог прочитать – может быть, прощание, может быть, надежда, может быть, то самое отчаяние, которое он видел на фотографиях Луизы.

– Вы очень похожи на неё, – сказала она. – На Луизу. Такой же упрямый. Такой же безумный. Она тоже не слушала предупреждений. Тоже думала, что сможет победить. Тоже шла туда, куда не следовало.

– Поэтому я её и найду, – ответил Ник.

Он вышел на крыльцо. Дождь прекратился, но небо было тяжёлым, низким, готовым пролиться в любую минуту. Он спустился по скрипучим ступеням, чувствуя на себе взгляд Сары. Она стояла в дверях, держа в руках пепельный зонт, и смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

Он шёл по пустой улице, сжимая в руках рюкзак с бумагами, и думал о том, что она сказала. Луиза жива. Луиза где-то там, в этом городе, или в другом, или в том самом зазеркалье, из которого она смотрела на него пустыми глазами. И он найдёт её. Обязательно найдёт. Даже если придётся разбить все зеркала в этом городе. Даже если придётся войти в комнату 217 и остаться там навсегда.

У выхода из тупика он остановился, достал из рюкзака фотографию – ту, что дала Сара. Ту, последнюю. Вгляделся в лицо женщины, стоящей у окна. Седая, бледная, пустая. Но глаза – те же. Те самые, которые он помнил. Те самые, которые смотрели на него из другого измерения, из места, где время остановилось.

– Я найду тебя, Луиза, – прошептал он. – Где бы ты ни была.

Он спрятал фотографию во внутренний карман, рядом с дневником Кэтрин и ключом от банковской ячейки. Пошёл дальше, к автобусной остановке, к городу, к новым поискам.

В его рюкзаке были старые документы о семье Луизы и отеле. Фотографии гостей с 1990-х, на которых в одном из окон мелькал красный автобус – тот самый, двухэтажный, с открытой площадкой, который возил туристов по Лондону. На одной из фотографий, увеличенной, с пометкой на обороте, сделанной карандашом, почти стёршимся, он разглядел лицо в окне автобуса. Смутное, размытое, едва различимое, но знакомое. Женщина с длинными тёмными волосами, смотревшая прямо в объектив. Или не в объектив? Или сквозь него, на того, кто будет смотреть на эту фотографию через двадцать лет?

На обороте было написано: «Лондон, 1995. Автобус 24, маршрут до Кентиш-Тауна. Женщина в окне – Луиза Браун. Подтверждено свидетелем».

Ник смотрел на это лицо, размытое, почти невидимое, и

чувствовал, как внутри поднимается что-то – не надежда, не отчаяние, а что-то другое, холодное, тяжёлое, требующее выхода. Она была там. В 1995 году. В Лондоне. После того, как отель закрылся. Она вышла. Вышла из комнаты 217. Вышла из зазеркалья. Вышла из коллекции. Или её выпустили? Или она сбежала? Или Константин отпустил её, когда она перестала быть нужна?

Он спрятал фотографию обратно в рюкзак и пошёл дальше. К автобусной остановке. К городу. К новой зацепке, которая, возможно, приведёт его к ней. Или не приведёт. Но он должен был попробовать. Должен был идти. Должен был искать. Потому что она ждала. Пятнадцать лет. В комнате 217. В зазеркалье. В своей памяти. Она ждала, когда он придёт. И он придёт.

Автобус подошёл через пять минут – тот самый, красный, двухэтажный, с открытой площадкой. Ник сел на верхний этаж, у окна. Город проплывал мимо – серый, мокрый, равнодушный. Люди спешили по своим делам, укрываясь от дождя, пряча лица в воротники. Никто не знал, что в этом городе есть женщина, которая потеряла всё. Никто не знал, что где-то там, среди этих улиц, среди этих домов, среди этих людей, бродит тень Луизы Браун. Или не тень? Или она сама? Или то, что от неё осталось?

Он достал из кармана фотографию – ту самую, с автобусом, – и снова взгляделся в размытое лицо в окне. Женщина

смотрела прямо на него. Или не на него? Или на того, кто будет смотреть на эту фотографию через двадцать лет? На того, кто будет искать её? На того, кто не остановится?

– Я найду тебя, – прошептал он. – Обязательно найду.

Автобус повернул на Хайгейт-роуд, и Ник увидел знакомые дома, знакомые улицы, знакомый пустырь, на котором когда-то стоял «Амбер Отель». Отель исчез. Остались только воспоминания, только фотографии, только документы в старой папке, только лица в окнах старых автобусов.

Но где-то там, среди этих улиц, среди этих домов, среди этих людей, бродила Луиза. Живая. Или не живая? Или тень? Или то, что от неё осталось? Он должен был найти её. Должен был сказать ей, что помнит. Что ждёт. Что не оставит.

Автобус остановился, и Ник вышел. Дождь снова начался – мелкий, морозящий, тот самый, лондонский. Он поднял воротник куртки, застегнул рюкзак и пошёл к своему дому. К своей съёмной комнате. К своим бумагам, которые ждали его на столе. К новой ночи, новой надежде, новому дню, когда он продолжит поиски.

Он найдёт её. Обязательно найдёт.

Глава 7

Разговор тайн

Кафе, в которое Ник зашёл, чтобы переждать дождь, было маленьким, тесным, с низким потолком и стенами, выкрашенными в тёплый, выцветший жёлтый цвет, который, казалось, помнил ещё шестидесятые. Здесь пахло кофе, корицей и чем-то ещё – старыми книгами, наверное, или просто временем, которое застыло в этих стенах, не желая уходить. Окна выходили на узкую мостовую, по которой почти не ездили машины, и только редкие прохожие, укрываясь от дождя зонтами, спешили по своим делам, не глядя по сторонам. За стойкой дремал бармен – молодой парень с усталым лицом и татуировкой на руке, которая, казалось, была единственным ярким пятном в этом выцветшем, застывшем мире. На стенах висели старые афиши – концерты, которых уже никто не помнит, фильмы, которые давно не показывают, театры, которые закрылись ещё в прошлом веке. Время здесь, казалось, остановилось где-то в конце восьмидесятых, и Ник было странно уютно в этом застывшем, никому не нужном уголке, где никто не задавал вопросов, никто не смотрел с подозрением, никто не узнавал в нём того самого «отравителя из Кентиш-Тауна», чьё лицо пятнадцать лет назад было

на первых полосах всех газет.

Ник сидел за столиком у окна, перед ним стояла чашка чёрного кофе, который он заказал полчаса назад и к которому так и не притронулся. Кофе давно остыл, на его поверхности образовалась тонкая, маслянистая плёнка, но он не замечал этого. На столе, рядом с чашкой, лежала папка с документами – те самые, что он взял в библиотеке, те самые, что отдала ему Сара в тот день, когда он стоял на пороге её маленького дома с пепельным зонтом и чувствовал, как рушится последняя надежда. Он перебирал их снова и снова, вглядываясь в каждую фотографию, в каждую выцветшую строчку, в каждое имя, которое могло бы стать зацепкой. Пальцы его были в чернилах – он делал пометки на полях, выписывал даты, имена, адреса, пытаясь сложить разрозненные кусочки в единую картину. Но ничего нового не находил. Только старые, уже знакомые лица. Только старые, уже выученные наизусть даты. Только старые, уже прочитанные до дыр истории.

Он не заметил, как она вошла. Не слышал шагов – кафе было старым, и половицы скрипели при каждом движении, но её шагов он не услышал. Не слышал, как скрипнула дверь, как звякнул колокольчик над входом – тот самый, старый, медный, с потускневшей от времени поверхностью, который звенел здесь, наверное, с самого открытия. Он поднял глаза только тогда, когда тень упала на его стол, закрывая тусклый свет, идущий от окна, когда в маленьком, застывшем мире

кафе что-то изменилось, стало другим, неправильным, чужим.

Перед ним стояла Элизабет Стерлинг.

Она изменилась. Сильно изменилась с той ночи, когда он был у неё дома. Ещё больше похудела – лицо её было бледным, почти прозрачным, с выступающими скулами и глубоко запавшими глазами, которые, казалось, светились изнутри каким-то странным, нездешним светом, светом человека, который уже одной ногой стоит по ту сторону реальности. Кожа на лице была тонкой, почти бумажной, и под ней проступала сетка синих, набухших вен – таких, какие бывают у очень старых людей, у тех, кто давно перешагнул тот рубеж, после которого время перестаёт иметь значение. Она опиралась на палку – ту самую, что была у неё дома, простую деревянную палку с потёртой ручкой, на которой кто-то когда-то вырезал инициалы, теперь уже почти неразличимые, – и рука её, сжимающая набалдашник, дрожала так сильно, что, казалось, вот-вот упадёт, не выдержит, не сможет удержать даже эту лёгкую, почти невесомую опору. На ней было старое, выцветшее пальто, не по сезону лёгкое – такое носят весной, когда солнце уже греет, но ветер ещё холодный, а не в промозглый, сырой лондонский день, когда даже в пальто на меху не согреешься. Шарф, намотанный в несколько слоёв, сполз на плечо, открывая тонкую, почти прозрачную шею с выступающими ключицами. Она была похожа на призрака,

на тень, на воспоминание о той женщине, которую Ник видел впервые в жизни, но знал по рассказам Луизы, по дневнику Кэтрин, по тем страницам, которые он перечитывал снова и снова, пытаясь понять, что же произошло в той комнате, в том отеле, в том времени, которое остановилось для неё навсегда.

– Можно? – спросила она тихо, и голос её был таким же слабым, как и она сама – едва слышным, скрипучим, как старые половицы в её доме, как тот самый колокольчик над дверью, который звенел здесь десятилетиями и, казалось, звенел для неё одной.

Ник кивнул, не в силах произнести ни слова. Горло сжалось, слова застряли где-то внутри, не находя выхода. Она опустилась на стул напротив, и этот простой жест – сесть – дался ей с таким трудом, что Ник подумал: она сейчас упадёт, сейчас не выдержит, сейчас рассыплется на глазах, как та старая бумага в папке, которую он перебирал час назад. Но она удержалась. Выпрямила спину – этот жест был почти неестественным для её сгорбленной, измученной фигуры, и в нём чувствовалась последняя, отчаянная гордость женщины, которая не хочет показывать свою слабость, даже когда слабость стала её единственной реальностью. Положила палку на край стола, сложила руки на коленях. Её пальцы были тонкими, почти прозрачными, с вздутыми венами и распухшими суставами – руки очень старого, очень больного человека, руки, которые когда-то выдавали ключи от комнаты

217, руки, которые когда-то открывали двери, которые лучше было не открывать, руки, которые видели всё, но ничего не могли изменить.

– Вы ищете её, – сказала она. Утверждение. Не вопрос.

– Ищу, – ответил Ник, и голос его прозвучал хрипло, чуждо, будто принадлежал кому-то другому.

Она смотрела на него долго, изучающе. В её выцветших глазах было что-то, чего он не видел в прошлую встречу. Не усталость – она была и тогда, въевшаяся в самые кости, ставшая частью её существа. Не жалость – её он видел в глазах многих, кто смотрел на него после тюрьмы, после того, как его имя стало синонимом предательства и смерти. Что-то другое. Может быть, решение, принятое после долгих, мучительных лет сомнений. Может быть, надежда, которая теплилась в ней, несмотря ни на что, несмотря на годы, проведённые в тени Константина, несмотря на ту роль, которую она играла в его коллекции, несмотря на всё, что она видела и знала. Может быть, страх, который она наконец решила преодолеть, страх, который держал её в плену дольше, чем любые стены, страх, который был сильнее любой тюрьмы.

– Я знаю, что вы были у Сары, – сказала Элизабет. – Она позвонила мне. Сказала, что вы приходили. Что вы искали дальше. Что не остановились.

– Не остановился, – подтвердил Ник.

– Она дала вам фотографию. Последнюю. Ту, что нашли

в стене, когда разбирали комнату 217.

Ник кивнул. Медленно, словно каждое движение давалось ему с трудом, достал из внутреннего кармана куртки фотографию – ту самую, что Сара протянула ему дрожащими руками, ту, которую он рассматривал сотни раз, вглядываясь в каждую деталь, в каждую тень, в каждое пятно на старом, выцветшем снимке. Положил на стол между ними. Женщина у окна. Седая, бледная, пустая. Стоит у окна, за которым виднеется пустырь – то, что осталось от сада, где когда-то были подстриженные кусты и старый фонтан, из которого давно не била вода. На её лице нет ни страха, ни надежды, ни отчаяния. Только пустота. Абсолютная, бесконечная, всепоглощающая пустота.

Элизабет посмотрела на фотографию, и её лицо дрогнуло. На секунду, на одно короткое, едва уловимое мгновение, в её глазах мелькнуло что-то живое – может быть, боль, которую она носила в себе все эти годы, может быть, память о той, кем Луиза была до того, как вошла в комнату 217, может быть, то самое, что она похоронила в себе много лет назад, когда решила, что лучше молчать, чем говорить и быть уничтоженной. Её пальцы, тонкие, дрожащие, потянулись к фотографии, но не коснулись её, застыли в нескольких сантиметрах, как будто прикосновение могло обжечь, как будто в этом старом, выцветшем снимке было что-то, что могло уничтожить её окончательно.

– Это она, – сказала Элизабет. – Луиза. В последний год

отеля. Перед тем, как он закрылся. Перед тем, как мы все разъехались. Перед тем, как Константин решил, что коллекция достаточно велика, и можно запереть её навсегда.

– Почему она не ушла? – спросил Ник. Голос его был тихим, но в этой тишине кафе, в этом застывшем, выцветшем мире, он прозвучал как выстрел. – Отель закрывался. Все уезжали. Люси уехала. Вы уехали. Горничные, садовники, повара – все разъехались. Почему она осталась? Почему не ушла с ними? Почему не попыталась сбежать, когда была возможность?

Элизабет молчала долго. Очень долго. Так долго, что Ник уже решил, что она не ответит, что этот вопрос останется без ответа, как и многие другие, которые мучили его все эти годы. Она смотрела на фотографию, и её пальцы – тонкие, дрожащие – гладили край стола, будто искали опору, будто пытались удержаться в этом мире, который ускользал от неё с каждым днём. В кафе было тихо – только дождь стучал по стеклу, только где-то на кухне позвякивала посуда, только бармен за стойкой перелистывал страницы старой, потрёпанной книги, не поднимая головы. Время, казалось, остановилось, замерло в ожидании её слов.

– Потому что она не могла уйти, – сказала она наконец. Голос её был тихим, почти неслышным, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами, заполняя собой всё пространство. – Константин забрал у неё всё.

Не только талант. Не только волю. Не только память. Он забрал у неё саму возможность уйти. Она стала частью отеля. Частью коллекции. Частью той комнаты. Она не могла выйти, потому что её уже не существовало. Не той, кем она была.

Ник сжал край стола так, что побелели костяшки пальцев. Дерево жалобно скрипнуло под его руками.

– Вы говорили, что знаете, как войти в ту комнату. Что знаете, где главное зеркало. Вы сказали, что я должен найти его. Но вы не сказали, что делать, когда найду.

– Потому что я не знаю, – Элизабет подняла на него глаза, и в них была та самая пустота, которую он видел на фотографии Луизы, та самая, которая въелась в её глаза за годы, проведённые рядом с Константином, за годы, когда она смотрела, как умирают таланты, как исчезают души, как коллекция растёт, а она ничего не может сделать. – Никто не знает. Те, кто входят, не возвращаются. Те, кто возвращаются, уже не те, кем были. Я не знаю, как вытащить её. Я знаю только, как войти.

– Тогда зачем вы дали мне карту? Зачем сказали, где искать? Зачем пришли сюда сегодня, если не можете помочь?

– Потому что вы должны были знать правду, – Элизабет говорила тихо, но в её голосе была такая сила, такая отчаянная, выстраданная убеждённость, что Ник замолчал, не в силах возразить. – Потому что вы искали её пятнадцать лет. Потому что она ждала вас. Потому что, может быть, вы сможете сделать то, что не смогли мы.

– Мы?

– Я. И Кэтрин. И те, кто пытался до нас. – Элизабет замолчала, собираясь с силами. Её дыхание было тяжёлым, прерывистым, и Ник видел, как каждое слово даётся ей с трудом, как она борется с усталостью, с болью, с тем, что уже давно должно было её убить, но не убивало, оставляя в этом мире, чтобы она могла сказать то, что должна была сказать много лет назад. – Я знаю об этом отеле всё, мистер Хитклиф. Всё, что можно знать. Я была там с самого начала. Я видела, как Константин строил свою коллекцию. Как он выбирал жертв. Как он забирал их таланты, их души, их жизни. Я видела Кэтрин Браун, когда она приехала в отель в 1979 году. Я видела, как она пыталась бороться. Как она проиграла. Как она ушла, но не до конца. Как её тень осталась там, в комнате 217.

Ник слушал, затаив дыхание. Каждое слово Элизабет было как удар, как откровение, как ключ к тайне, которую он пытался разгадать пятнадцать лет. В его памяти всплывали страницы дневника Кэтрин, те самые, которые он перечитывал сотни раз, те самые, где она писала о зеркалах, о запертых душах, о том, что Константин не человек, а что-то другое, что-то древнее, что-то, что питается чужими жизнями. Теперь эти слова обретали плоть и кровь, становились реальными, осязаемыми, страшными в своей простоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.